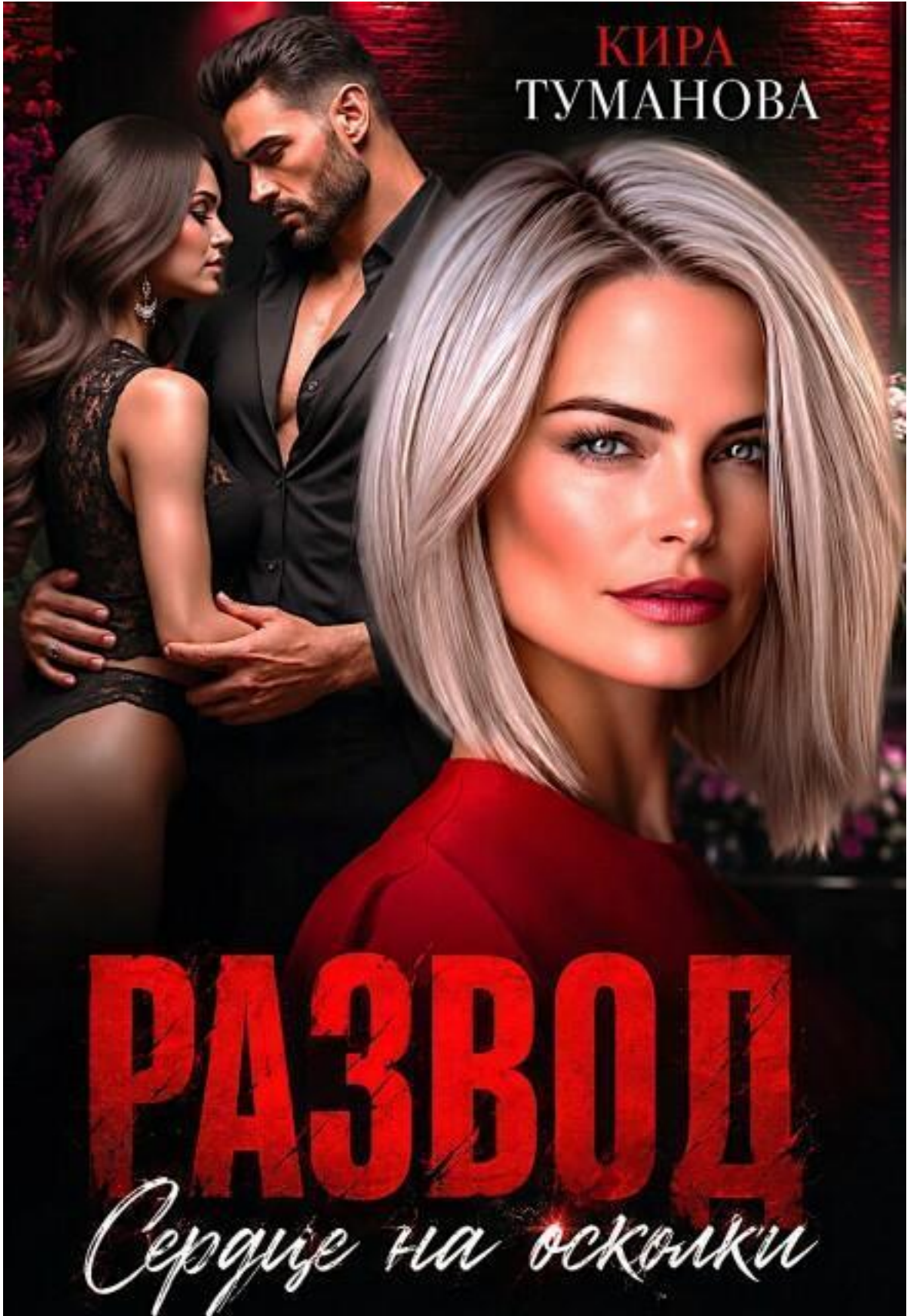

A movie poster featuring a woman with long, wavy brown hair in a black lace dress being embraced by a man with a beard and short dark hair in a black shirt. In the foreground, a woman with short, straight blonde hair and blue eyes looks directly at the camera, wearing a red top. The background is dark with red floral patterns.

КИРА
ТУМАНОВА

РАЗВОД

Сердце на осколки

Кира Туманова

Развод. Сердце на осколки

«Литнет»

2025

Туманова К.

Развод. Сердце на осколки / К. Туманова — «Литнет», 2025

– Настя, Настя! – меня легонько хлещут по щекам. Пытаюсь фокусироваться на лице мужа, которое всё время куда-то уплывает. За его плечом мелькает незнакомая темноволосая женщина. Голая. Не хочу на неё смотреть и снова прикрываю глаза. – Настя, чёрт возьми! – испуганно орёт Ник, и бьет меня по щеке уже серьезно. - Очнись уже. Какого хрена ты вообще приперлась? Я же тебя на аборт отправил! В сердце впиваются острые ногти, рвут его на части. И мир рассыпается.*** Когда я очнулась в больнице, то узнала три новости. Плохую: всё, во что я верила - ложь. Хорошую: моё разбитое предательством сердце отлично работает от батарейки. И неожиданную: есть человек, который смотрит на меня так, будто я — не сломанная женщина за сорок, а та, ради которой стоит жить.* Эмоционально * Больно * Чувства на пределе * ХЭ для героини Книга участвует в литмобе Развод в 40. Кусай локти История Алины

© Туманова К., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

1.	5
2.	7
3.	9
4.	11
5.	13
6.	15
7.	17
8.	20
9.	22
10.	25
11.	28
12.	30
13.	33
14.	36
15.	38
16.	40
17.	43
18.	46
19.	50
20.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

1.

Не веря своим глазам, разглядываю две полоски. Быть такого не может! Это какая-то ошибка!

Тело покалывает иголочками, словно меня опустили в жидкий азот. Радости и счастья нет, только недоумение.

Медленно моргаю и вновь распахиваю глаза. Может быть, мне кажется? Только ярко-красные линии не дают мне усомниться в реальности.

Медленно выхожу из туалета, не отрывая взгляд от теста. Пытаюсь осознать, что теперь с этим делать.

Ник уже здесь. Ходит, как хищник, кругами.

На автомате протягиваю руку и выключаю свет в туалете.

– Ну что?

Молча протягиваю ему тест. Он отплатывается, как от проказы.

– Да бл..ть! – со всей силы бьет ладонью о стену. И меня включает от этого звука, от его отчаяния.

– Не надо так... – Уронив тест, бросаюсь к нему. Глажу по плечу, чтобы успокоить. – Не переживай. Я ещё у врача не была. Медицина сейчас вперед шагнула... Можно и оставить. – Сглатываю. – Малыша...

– Ты соображаешь, что несешь, Настюша? – Зажимает моё лицо ладонями, так что поднимаются щеки. – Надо что-то делать... Ну... С плодом. Пока срок маленький.

– Ник, – из-за захвата, говорить трудно. – Я не хочу!

– Ты что, дура конченная? – рычит мне в лицо. Брезгливо оттолкнув меня, поворачивается спиной. – Все вы бабы только одним местом думаете! – Опустив голову тяжело дышит.

Прижимаюсь к нему сзади, провожу ладонью по напряжённым плечам.

– Всё хорошо будет. Я выдержу, правда!

Он резко поворачивается.

– Не раздражай меня своей тупостью. – Верхняя губа подрагивает, обнажая зубы. – Хватит думать только о себе!

– Ты с ума сошёл? Я думаю только о вас? О тебе, о детях!

– И вот подумай, что будет, если их мать под старую жопу решит обзавестись еще одним наследником. И скорее всего, не переживёт эту беременность.

– Нет, нет, – всхлипываю, прикрыв рот рукой. – Я справлюсь...

– А клининг, который ты возглавляешь? Что будет с ним? – Ник наступает, вытесняя меня в гостиную.

– Ничего с ним не случится, Надя подменит! – сиплю еле слышно.

– Все девять месяцев, ты проведешь в больнице. Какая Надя? – Дышит тяжело с нахрапом. – А Ромку кто будет на хоккей возить?

– Ник, давай я схожу к врачу сначала. Потом будем принимать решение. Вместе с тобой принимать. – Стараюсь схватить его за руку, но он выдёргивает ладонь.

– Какое тут решение может быть? – Рычит. – Ты угробишь себя и нашу семью. Что ты хочешь узнать у врача?

– Я спрошу, – лепечу в испуге. – Может быть, кардиостимулятор поставят, сделают что-нибудь... Я хочу попробовать. Пожалуйста...

Его глаза стекленеют на секунду и мне становится жутко. Я уже знаю, что за этим последует приступ неконтролируемой ярости.

– От кого ты забеременела?

– Ты что, Ник... – Пячусь спиной, выставив перед собой руки. – Ты же знаешь, у меня никого нет.

– Ты так хочешь оставить его... Наверное, есть причины. Это от другого да? – его пальцы сжимаются на моей шее, слегка встряхивают. – Ты другого себе нашла? Хочешь обзавестись сувенирчиком от любовничка?

Хриплю, пытаюсь вырваться.

– Нет, нет...

Он отбрасывает меня брезгливо, как ненужную вещь. И я, потеряв равновесие, лечу назад и больно ударяюсь спиной о столик.

Захныкав, опускаюсь на колени. Меня трясёт от боли и обиды.

За что он так со мной? Я же не виновата. Я сама не понимаю, как это случилось. Я пью таблетки!

Вздрагиваю, когда моей головы касается тёплая ладонь.

– Насть, прости. – Опускается рядом со мной на пол, сдавленно шепчет. – Я идиот... Я... Я испугался за тебя. Я так испугался.

Глубоко и навзрыд вздохнув, утыкаюсь ему в грудь. Он обнимает меня, укачивая, как ребенка.

– Маленькая моя, прости... Но, если с тобой что-то случится, я не переживу. – Ласково целует в макушку. – Если тебе нужен ребёнок, давай возьмем из детдома. Алинка уже большая, скоро внуки будут. Но позволять тебе... Нет.

Я всхлипываю, прижатая большими ладонями к широкой груди. Тёплые волны выталкивают меня из бездны обиды и отчаяния. Он беспокоится обо мне, он меня любит. Вот так, своеобразно, но очень-очень сильно. И я его люблю. И наших детей....

Сердце постепенно успокаивается, бьется теперь мелко и торопливо.

– Согласись, я прав.

В ответ низко склоняю голову. Да, Ник всегда прав! И я не имею права рисковать всем, ради эгоистичного желания снова почувствовать рыбок в животе.

– Я был груб, – прижимает меня к себе так сильно, что трудно дышать. – Но это от страха. За тебя... – Судорожно вбирает ноздрями воздух. – Ты же пойдёшь на аборт, правда?

– Да... – произношу на выдохе.

– Завтра же с утра пойдёшь к врачу. Я скажу Ларисе, она тебя запишет... Договорится, чтобы сразу все сделали.

– Да...

Он тут же отпускает меня и встаёт на ноги. Потирает лицо ладонями, приходя в себя, и достаёт телефон из кармана. Набирает свою ассистентку.

– Лариса, срочно жену мою запиши к гинекологу. Найди такого, чтобы сразу и осмотр, и аборт. Я не знаю, где и какого! – Рывкает грозно. – Это ваши бабские дела! Я дал задание, выполняй!

Снова садится передо мной на корточки и ласково отводит прядь волос за ухо. Улыбается.

– Вот и всё, маленькая... Лариса найдёт. Уже завтра забудем обо всём, как о страшном сне. – И, подумав, добавляет. – Кстати, узнай у врача про стерилизацию, чтобы больше не волноваться. Тебе вредно.

2.

Руки дрожат, когда я делаю глоток воды из пластикового стаканчика, и несколько капель проливается на грудь.

– Вот чёрт! – Дергаюсь и смахиваю воду с дорогой шёлковой блузки. Остаток воды выливается на юбку.

Отбросив пустой стаканчик в сторону, не выдерживаю. Опершись локтями о колени, закрываю лицо.

Слёзы льются сами, просачиваются сквозь пальцы, и я уже не стесняюсь реву, уткнувшись в ладони. Стесняться мне нечего.

В коридоре частной клиники никого нет. А врачи... Да они и не такое видели!

Я чувствую свою вину перед мужем, перед неродившимся малышом. Как я могла такое допустить! Только всё устаканилось, вошло в привычную колею.

Ник прав. Тысячу раз прав!

Небольшая финансовая организация Никиты совсем недавно стала приносить стабильный доход. Наконец-то появились нормальные деньги, и мы смогли позволить себе и большую квартиру, и частную школу для Ромки. Ник даже помог мне организовать небольшое клининговое агентство. Конечно, управлять уборщицами – не совсем то, о чём я мечтала, но зато у меня есть своё дело.

И сейчас, когда всё наконец-то становится на свои места, ещё один ребёнок даже для здоровой женщины моего возраста стал бы помехой. Что уж говорить обо мне.

Тяжело вздыхаю, пробежавшись пальцами по животу. Невольно накатывает тоска по шевелениям, запаху тёплой младенческой макушки.

Нет, это всё уже не для меня! Хватит. Скоро Алина внуков родит – ей уже двадцать два, вот тогда и понянчусь.

– У вас случилось что-то? – рядом раздаётся глубокий мужской голос и я испуганно поднимаю голову. Всхлипывая, с удивлением рассматриваю стоящего рядом мужчину.

Брюнет лет сорока. Любопытный прищур серых глаз, сильная волевая челюсть с лёгкой небритостью, светлый кашемировый свитер под горло. Пальцами сжимает дорогой смартфон.

Стыдливо вытираю нос тыльной стороной ладони.

Я настолько не ожидаю увидеть его под кабинетом гинеколога, что забываю о собственных бедах.

– Простите, – смахиваю слёзы. – Ничего особенного не случилось. Приёма жду...

Он молча скользит по мне взглядом, и я невольно поддергиваю воротник блузки, пытаюсь спрятать синяки на шее.

– Вас так расстроило ожидание приёма? – уголок губ слегка приподнимается и грубоватые черты лица сразу становятся мягче.

– Наверное, ваша жена выйдет, и меня позовут, – вымучиваю жалкую улыбку.

– Я никого не жду.

Эта фраза звучит так уверенно, что я сама начинаю сомневаться в правильности своих действий.

В недоумении перевожу взгляд на кабинет врача. Может быть, я ошиблась? Сажу около кабинета хирурга или терапевта. Но нет, на кабинете надпись – акушер–гинеколог.

Наверное, в моих глазах немой вопрос. Только мужчина его игнорирует. Лезет в карман брюк и достаёт оттуда носовой платок. Протягивает мне.

– Вот держите. Не надо так расстраиваться из-за беременности.

– Что? – Я тяну руку за платком, и она висит в воздухе. – Откуда...

– Берите. Обойдётся всё. Не переживайте. – Вкладывает мне в ладонь безупречно чистый платок и встаёт. Подходит к двери и дёргает её на себя.

– Не надо... – слабо мяукаю, но уже поздно.

– Я не понял, вас пациентка в коридоре ждёт! – Гаркает в открытую дверь. – Почему приём не начинаете? Что за беспредел?

Слышно приглушённое оханье, звон ложки и торопливые шаги.

– Проходите! – Не дожидаясь врача, которая, видимо, отвлеклась и забыла который час, мужчина распахивает передо мной дверь.

– Простите... – протискиваюсь между его широкой грудью и дверным косяком. – И спасибо.

– Не стоит так часто извиняться.

Мне кажется, или он смотрит на меня с жалостью?

Дверь захлопывается за моей спиной.

3.

Из кабинета гинеколога выхожу в приподнятом настроении. У меня такое ощущение, что лопнул туго надутый шар, который распирает меня изнутри. Такого облегчения я давно не испытывала.

Хорошо, что всё обошлось. И я готова была обнять суровую врачиху, которая сделала УЗИ и успокоила тем, что беременность полностью исключена. А то, что я в последнее время чувствую себя странно – так от возраста не убежать.

Привычным жестом прикладываю руку к груди и прислушиваюсь. Сердце бьётся часто и рвано. У меня так бывает, когда перенервничая. Когда-нибудь оно совсем остановится, но я надеюсь, что это случится, как можно позже.

У меня серьёзный порок сердца. И выносить малыша мне не под силу.

Поэтому я сейчас чувствую непередаваемое облегчение, не нужно решать сложную дилемму – убить ещё нерождённого ребёнка или оставить двух своих детей без матери.

Усаживаюсь на тот же диванчик, где рыдала час назад. С блаженной улыбкой ещё пару минут сижу, пялясь в стену. Чувствую, как стресс покидает моё тело и душу.

Представляю, как обрадуется Ник! Он так меня бережёт, так переживает.

Достаю телефон и набираю мужа.

Гудки идут бесконечно долго, но он сам не подходит. У него часто такое бывает – когда проходят встречи в переговорной с инвесторами, он не берёт с собой телефон, чтобы не отвлекаться.

– Я смотрю, у вас настроение улучшилось?

Обернувшись, вижу того же самого мужчину.

– Да, – отключаю вызов и прячу телефон в сумочку. – Это была ложная тревога.

– Такое бывает?

– Врач сказала, что на этой неделе у неё уже второй случай. Бракованная партия тестов на беременность. – С облегчением вздыхаю, до сих пор не веря в происходящее. – Бедные женщины. Ведь кто-то из них очень ждёт положительного результата.

Мужчина так и стоит, смотрит на меня с насмешливой улыбкой и почему-то я испытываю неловкость. Зачем я вообще ему это рассказываю?

И что ему надо вообще?

– Вы, наверное, врач? – спрашиваю из вежливости. – Работаете здесь?

– Нет, здесь работает моя жена, а я работаю в городской больнице.

– М... – понимающе мычу. На самом деле, не знаю, это хорошо или плохо, работать в городской клинике, а не в частной.

Но то, что он врач, как-то располагает. Меня распирает от горячего желания поделиться своим облегчением. Не дочери же звонить: «Алина, поздравь меня. Твоя мама не беременна».

– А вы... Вы тоже – гинеколог?

– Нет, кардиолог.

С интересом присматриваюсь к новому знакомому.

– Надо же, прямо знак свыше. – Улыбаюсь. – Я наблюдаюсь у Савельева, знаете такого?

Он сразу оживляется, в глазах – искорки.

– Савельев – отличный специалист. У вас что-то с сердцем?

– Аритмия, брадикардия... – смеясь машу рукой, – не буду вас напрягать своим букетом. Десять лет назад беременность далась мне очень тяжело. Врачи сказали, что третий ребёнок меня убьёт, – развожу руками. – Так что понимаете, у меня были вески причины здесь рыдать.

– Зря, – пожимает плечами. – Не сомневайтесь, спасли бы и вас, и ребёнка. За десять лет столько нового появилось.

На секунду мелькает шальная мысль. А вдруг? Вдруг тест не ошибся, тогда можно было бы...

Кладу руки на плоский живот. Ловлю на себе хитрый взгляд мужчины и, смущаясь, встаю.

– Простите, я пойду. Муж заждался...

– Вы опять извиняетесь.

– Да, простите... Чёрт!

Окончательно путаюсь, взмахиваю ладонями и краснею, как школьница.

Он улыбается уголком рта. У него то получается как-то по-доброму и очень мило. Достает из нагрудного кармана визитку и протягивает мне.

– Держите, надеюсь не пригодится. Но вдруг... Савельев всё-таки не оперирует. – Снова эта обаятельная улыбка.

– Спасибо, – сжимаю визитку, уголки покалывают ладонь. – Было очень приятно...

– Мне тоже.

Размашисто шагает по коридору. А мне почему-то дико интересно, кем здесь работает его жена.

Расжимаю ладонь и всматриваюсь в визитку.

Ярославцев Олег Игоревич. Врач-кардиолог, хирург.

Телефон. И ниже кривая линия кардиограммы - единственное украшение.

Пока иду к выходу, читаю вывески на кабинетах, но Ярославцеву среди них не вижу.

4.

Пробок нет, хотя в это время до дома добраться непросто. И в этом я вижу ещё один знак судьбы. Сегодня явно мой день! Я даже успеваю заехать в магазин и купить мясо и овощи.

Ник ругает меня за то, что я не пользуюсь доставкой, не хочет, чтобы я таскала тяжёлые сумки. А я не могу покупать продукты по картинке. Ну это же мясо всё-таки... Его видеть нужно. Да и овощей могут набросать мятых или гнилых. Лучше я сама, мне это не сложно.

Пока муж на работе, а Ромка в школе, я успею приготовить вкусный ужин. Алина живёт отдельно – снимает квартиру. Она сама так решила – хочет привыкнуть ко взрослой жизни. Можно и её позвать, отощает на своих студенческих дошираках.

В недоумении вращаю ключом в замочной скважине – дверь открыта. Утро было такое суматошное и нервное, неудивительно, что забыли.

У нас хороший коттеджный поселок, охраняемый, везде камеры. Так что это не страшно, мы и спим часто с открытой дверью.

Ник для нас купил большой дом. Сделал ремонт, я заказала мебель. В наших хоромах красота неопиcуемая. Свободно, просторно, стильно... Первую половину жизни мы с Ником поskитались по съёмным углам, так приятно, что теперь можно расслабиться и просто жить.

Сбросив кроссовки, тащу пакеты на кухню. Долго разбираю сумки, шуршу и хлопаю холодильником.

Вспомнив, что не помыла руки, иду в ванную. И только сейчас замечая в прихожей аккуратные бежевые сапожки с опушкой.

Алина у нас?

– Алька, кричу во всё горло. – Где ты? Я дома!

Угу, в нашем теремке, разве докричишься. Из ванной доносится шум воды.

– Алька, пусти руки помыть.

Какое-то время стою под дверью, прислушиваясь. Сквозь шум воды доносится женский смех и мужское довольное урчание.

По позвоночнику словно ползёт ледяная змея. Противная, липкая... Привычным жестом прикладываю руку к груди. Сердце ухает медленно и гулко, замирает, а потом частит от волнения.

– Алька, ты там с кем? – Тихонько скребусь ногтем.

Довольный женский смех рассыпается колокольчиком. И снова мужское бу-бу-бу.

Сердце колотится уже не в груди, а в висках.

Моргаю, а перед глазами плывёт мутное марево. Кончики пальцев немеют. Трясу головой, чтобы прийти в себя и дёргаю ручку двери.

Первое, что я вижу – растёкшаяся о стеклянную перегородку душевой грудь, запрокинутое женское лицо и открывшийся в порыве страсти рот.

Не Алина, да я и так уже это знаю.

Ватные ноги не держат меня, и я медленно сползаю спиной по косяку двери, не в силах отвести взгляд.

Ник намотав на кулак тёмные волосы, вгоняет себя в незнакомую женщину грубо и резко, заставляя её изгибаться и елозить грудью по стеклу. Лицо запрокинуто, глаза закрыты, на губах – оскал, который я никогда не видела.

Душ беззвучно хлещет по его плечам, отскакивая крупными каплями. Шум в ушах заглушает все звуки.

Чуть приподнимаюсь, хочу сказать им, чтобы остановились. Кричу, но вместо звука из горла вырывается только хрип.

Сердце вдруг становится тяжёлым, как булыжник, и меня опять тянет вниз.

Это какой–то жуткий страшный сон. Снова пытаюсь встать, и мир обрушивается на меня, потолок наклонившись, врезается в стену. Руки сами цепляются за косяк, но пальцы скользят, не держат.

Ник, почему–то уже в белом полотенце вокруг бёдер, подхватывает меня и куда–то тащит.

Иногда, как будто сквозь помехи в радио, проскакивают какие–то звуки – женский визг, шум воды, грохот стекла.

Поднимаю свою руку и с удивлением смотрю, как по пальцам стекает красная струйка крови. Я что–то разбила?

– Настя, Настя! – меня легонько кто–то хлещет по щекам. Полоска света режет, как ножом, по глазам.

Пытаюсь фокусироваться на лице мужа, которое всё время куда–то уплывает. За его плечом мелькает незнакомая темноволосая женщина. Голая и противная.

Не хочу на неё смотреть и снова прикрываю глаза.

– Настя, чёрт возьми! – орёт Ник, и бьет меня по щеке уже серьезно. – Очнись уже. Какого хрена ты приперлась? Я же тебя на аборт отправил!

В сердце впиваются острые ногти, рвут его на части. И мир рассыпается.

5.

– Анастасия Юрьевна... Настя... – кто зовёт меня из чёрной тьмы, разрываемой пиканьем приборов.

Не хочу возвращаться, потому что помню, что снаружи меня ждёт что-то страшное.

Мычу, отворачиваясь.

– Настя, пора вставать. – Нараспев тянет мягкий голос. – Нас ждут великие дела.

Улыбаюсь.

Меня с такими словами будила мама. Ждали меня, обычно, не великие дела, а школьный ранец и бутерброд с маслом. Но всё равно приятно.

Неохотно приоткрываю глаза. С недоумением разглядываю пухлое морщинистое лицо и седые кудряшки, выбившиеся из-под шапочки.

– Ну вот, очнулась... – медсестра деловито поправляет мне подушечку, и бросает взгляд на трубки капельниц. – Сейчас врача позову. – Затем склоняется и доверительно шепчет. – Ты не волнуйся, хорошо всё прошло. В золотые руки попала, повезло...

Она торопится к двери, шаркая стоптанными шлепанцами, а я в недоумении озираюсь. Я в больнице?

Я помню, что произошло. Только смазано и равно. И думать об этом мне не хочется.

В палате светло, за окном или раннее утро или пасмурный день. Остро пахнет антисептиками и почему-то кремом. Наверное, от сиделки...

Хочется приподняться на локте, но правую руку воткнут катетер.

А левая... Болит. И почему-то привязана к кровати. А под ключицей – тупая тяжесть, будто под кожу зашили камень.

Аккуратно зубами пытаюсь оттянуть простынь, что там у меня?

– Там кардиостимулятор.

У дверей стоит высокий мужчина. Его плохо видно в тёмном коридоре. Только белый халат выделяется ярким пятном.

Щелкает выключателем, и яркий электрический свет заливают комнату.

– Кардиостимулятор хороший, новый. Последний модели. – Подходит ближе и внимательно всматривается в показатели монитора. – Как же вы так, Анастасия Юрьевна? Я вам визитку давал на всякий случай. А не для того, чтобы вы ко мне приехали на карете в отделение тем же вечером.

Переводит взгляд на меня. Взгляд холодный, с прищуром. Узнаю его и вспыхиваю до корней волос.

Тот самый.

Ярославцев!

У меня тонкая кожа, и я краснею по любому поводу. Даже загар не спасает – мой недостаток не скрыть. И вот сейчас лицо покалывает иголочками и я, наверное, становлюсь ещё более пунцовой от того, что он это видит. Замкнутый круг.

– В карете? – лепечу невнятно.

– Да, в карете скорой помощи. Спасибо вашему мужу, быстро сообразил.

При упоминании Ника внутри всё сжимается, а я привычно вслушиваюсь в свои ощущения. Мне кажется, что где-то внутри меня с тихим щелчком включается приборчик и я раздаётся гудение.

Точно, кажется...

Сердце бьется ровно и чётко.

– Как самочувствие сейчас?

– Не знаю... Странное. А что произошло? Олег...

- Олег Игоревич, - присаживается рядом и кликнув ручкой, записывает какие-то цифры с экрана. – Сознание потеряли из-за блокады. Пришлось действовать быстро, но сейчас самое опасное позади. Если будете вести себя хорошо, левую руку отвязываем. Её пока не поднимать.

Киваю.

- Вот и умница...

У него это «умница» так хорошо получается, что прямо испытываю гордость от того, что обещала всего лишь не дергаться.

Отложив ручку и блокнот, развязывает мою руку. Надолго задерживает её в ладони. Мне кажется дольше, чем того требует врачебная этика. Я уже готова вновь покраснеть, как он равнодушно замечает.

- Руки у вас холодные. Ничего, после наркоза такое может быть.

Равнодушно опускает мою ладонь на кушетку, и я от досады на себя чуть не прикусываю губу. Больно надо ему меня за руки хватать.

Я же не принцесса, еле живая женщина за сорок.

- Кстати, синяки на шее у вас откуда? – Задаёт неожиданный вопрос.

- Эм... – Мнусь. - Так... На массаже была.

Наверное, теперь я бледнею, потому что Ярославцев отводит глаза и издаёт странный гортанный звук.

- Операция прошла успешно. – Сообщает в стену. – Но, знаете, Анастасия Юрьевна... Я очень ответственно подхожу к своей работе. И мне не хотелось бы, чтобы... – Хмыкает. - Неловкий массаж, повлиял на её результаты. Особенно, когда вернётесь домой.

- Я буду осторожной.

Говорю ему это, а у самой при мысли о возвращении солнечное сплетение сводит судорогой. Ноет, зараза так, что я и пошевелиться не смогла бы, даже если и захотела. Я эту душевую кабину видеть не хочу! И Ника тоже!

- Ваш муж переживает очень, под дверями круги наматывает. На минуту могу разрешить ему зайти.

- Не надо! – выдыхаю хрипло. Наверное, слишком поспешно.

- Понимаю. – Глаза Олега Игоревича темнеют. - Я навещу вас через...

Поднимает к глазам руку с часами, но не успевает договорить.

За дверью – глухой удар кулаком в стену, сдавленное: *"Чёрт, сколько можно!"*

В приоткрытой щели двери мелькает лицо - бледное, с тёмными кругами под глазами. И Ник медленно переступает порог.

- Настя... – голос у него хриплый, словно он не спал всю ночь.

А у меня в груди гудит ровно и зло, словно шершень расправляет крылья.

Олег Игоревич делает шаг вперёд, перекрывая ему дорогу.

- Она отдыхает!

Но Ник, увидев меня, бросается к кровати. С размаху падает на колени хватая ладонь и начинает горько, по-бабьи причитать в мои пальцы.

- Настя, Настя... Прости! Умоляю тебя, прости!

- Не трогайте пациентку! – Рывкает Олег Игоревич, и его голос громом разносится по палате. И повторяет чуть тише. – Не смейте прикасаться к женщине.

6.

– Не трогайте пациентку! – Рывкает Олег Игоревич, и его голос громом разносится по палате. И повторяет чуть тише. – Не смейте прикасаться к женщине.

Ник смотрит на него с таким удивлением, будто у него нагло потребовали не прикасаться к его законной собственности. К машине, например.

К только что оплаченным на кассе трусам или колбасе...

Отпустив меня встаёт, одергивает полы мятого пиджака. С хрустом резко ведёт подбородком. Вижу, что на взводе.

– Я её муж, – брызгая слюнями, тычет пальцем в бейдж врача. – Законный! По какому праву...

Ярославцев смахивает его палец, как надоевшую муху. Деловито засовывает руки в карманы халата.

– Я терпел ваши истерики в коридоре. Но сейчас вы в палате больной, которая не хочет вас видеть. Уходите.

Его голос звучит глухо, но от этого не менее угрожающе.

– Меня не хочет? – взвизгивает Ник.

Поворачивается ко мне, глаза круглые, как блюдца. Словно не ожидал от меня такой подлости.

– Насть, ты чо?

Снова бросается ко мне, на этот раз садится на кровать и меня ощутимо встряхивает. Левое плечо отдаётся болью. Невольно морщусь и издаю слабый стон.

Ярославцев делает шаг вперед, одним отточенным движением выбрасывает руку вперед. Пальцы клещами впираются в шею Ника.

– На выход, пошёл...

Тот хрипит, бешено вращая глазами.

– Не нравится, да? – ворчит Ярославцев, поднимая его с моей кровати. Не отпуская захвата, ловко выкручивает ему руку за спину и ведет к двери. – Другим тоже не нравится. Синяки остаются!

– Не надо, – с удивлением слышу свой тихий голос. Это я сейчас пищу еле слышно? – Олег Игоревич не надо...

Врач останавливается, смотрит на меня в молчаливом недоумении.

– Пусть останется, на пару минут. Он переживает за меня...

Я не терплю насилие в любом виде. А Ник, всё-таки муж, отец моих детей. За годы брака я привыкла любую боль делить пополам, и сейчас мне кажется, это я хриплю, а не он. К тому же я знаю своего мужа, он так просто не уйдет. И врачу потом достанется, нажалуется начальству, обвинит в рукоприкладстве. Зачем лишние проблемы?

Ярославцев отпускает Ника, брезгливо отряхивает ладонь одну о другую. Тот отшатывается, вжимается в стену и зло пыхтит, потирая горло.

– Всё хорошо будет, – вяло улыбаюсь врачу.

– Я за дверью, если что. – Ярославцев выходит, одарив на прощание Ника таким взглядом, что тот издаёт несурзный всхлип.

Дверь хлопает, и муж тут же снова оказывается у моей койки.

– Настя, прости... Сто раз прости. Бес попутал. Я не хотел!

– Если ты об этом, Ник, то не стоит... Это выглядит жалко.

– Прости, Настюша... Ты уехала в больницу... Ну это... На аборт. Я с горя напился. В баре сам не понял, как шмара какая-то прицепилась. Настя, я даже имени её не знаю.

Молчу, уставившись взглядом в потолок.

– Ты пойми меня, у меня же тоже горе! Это же и мой ребёнок... Был.

– Нет никакого ребёнка. И не было, – шепчу онемевшими губами.

– Ну, вот видишь, как хорошо. – Прижимается к моей руке губами. – У нас с тобой и так двое чудесных детей. – И с неожиданным сочувствием интересуется. – Больно тебе?

Молча опускаю глаза.

Да, больно. Но это ничто по сравнению с той болью, которую я испытала от его предательства.

Внутри меня что-то треснуло, раскололось пополам. И это не сердце, это что-то другое. Живое, нежное. Душа, может быть?

– И нет ведь худа без добра правда? – хрипит севшим голосом. – Если бы не этот случай, ещё неизвестно, как оно было бы...

От изумления я не верю своим ушам. О чем он?

– Если бы не это недоразумение, у тебя бы блокады сердца случилась. Кардиостимулятор бы не поставили. Ты теперь жить будешь, Настя. Хорошо жить!

Он улыбается, а мне жаль, что левой рукой нельзя шевелить. А в правой – катетер.

Может катетером его по лицу?

– Если бы не это, он бы мне не понадобился... – шиплю. – Жила бы, как и раньше. Хорошо жила.

– Господи, я как ни подумаю, о том, что чуть тебя не убил, у меня прямо... – будто не слышит меня. – У самого сердце щемит. Если бы они тебе самый лучший приборчик не нашли, кланусь, зубами бы его вырвал из чьей-то груди.

Меня потряхивает, когда представляю эту картину.

– Шучу, шучу... – успокаивающе бормочет. – Я за тебя на все готов. У нас же дети, семья.

– Нет семьи, – глухо мычу, уставившись в потолок.

Странно, но с кардиостимулятором я себя чувствую ровнее. Жестче. Наверное, ещё вчера, я бы плакала, переживала. А сейчас, будто поддержку чувствую.

– Как это нет семьи? Настя, ты выйдешь, я тебя в отпуск свожу. Хочешь в отпуск? Выбери отель, курорт...

Стоило попасть в больницу, чтобы получить такое предложение. Я о совместном отпуске умоляла уже лет пять. То дела, то болезни, то денег нет, то проблемы наступают...

– Ей нельзя сейчас в отпуск. – возмущённый олох от дверей. – Восстановление нужно!

– Опять ты... – огрызается Ник. – С женой поговорить нельзя.

– Две минуты прошло.

Ник поправляет на плечах спадающий халатик, понуро тащится к двери.

На прощанье смотрит так, что если бы не моторчик в груди, я рисковала бы получить очередной приступ.

Бровки приподняты, глазки трогательно блестят. На фотографиях ми-ми-мишных котят, и то таких не видела.

– Я жду тебя дома, малыш... – с этими словами прикрывает дверь.

7.

Олег

– Папа, я уж думал, ты никогда не придёшь!

Сын бросается ко мне и крепко обхватывает за талию.

– Ну, малыш... Ты что! Куда я денусь от тебя. – Ерошу светлую макушку. Добавляю, подумав. – И от мамы тоже.

Мне кажется, Ярик всегда знает, когда я приду. Чёрт его знает откуда?

На окне, наверное, сидит.

– Поиграешь со мной в танчики?

– В настоящие или на приставке? – расстегиваю молнию куртки, выкручиваюсь из неё и с трудом дотягиваюсь до вешалки. Это тяжело сделать, когда ты стреножен пятилеткой.

– В настоящие, конечно... Хотя не важно. В любые! — Ярик подпрыгивает от нетерпения.

– Сейчас, Яр, руки только вымою и переоденусь. – Вытягиваю шею. – Покушать у нас есть что-нибудь? Голоден, как волк...

– А папа у нас ни в какие танчики играть не будет, – Инна выплывает из кухни при полном параде. Рыжие локоны уложены волнами, обтягивающее черное платье открывает стройные ноги. – Он после работы. Устал очень, так ведь?

Фраза, вроде бы и правильная. Но сказана таким ядовитым тоном, что отравиться можно.

– Поиграю, поиграю... – Легонько подталкиваю сына в спину. – Сейчас переоденусь и поиграем.

Ярик с радостным воплем уносится по коридору, а я под ледяным взглядом Инна иду на кухню. Она семенит следом.

– Олег, ты же обещал пораньше. Меня уже заждались все.

– Человеческие жизни важнее, чем день рождения Светки. – Отвечаю устало.

Как я и ожидал, на кухне – шаром покати.

– Не Светки, а Раечки. Ты совсем не интересуешься моей жизнью! – Инна повышает децибелы.

– Всё, я дома, можешь идти.

Я так устал! Нет, не от пациентов. От этого морального ежедневного дрюканья по поводу и без. Я понимаю, что уделаю недостаточно внимания семье. Но в последнее время ловлю себя на мысли, что все чаще думаю о том, что только на работе чувствую себя нужным.

И, если бы не сын, наверное, ночевал бы в ординаторской на диванчике.

На дверце холодильника – расписание "развивающих занятий" Ярика, составленное Инной. Ни одного свободного окошка.

Зато внутри – пусто. Только банка с оливками и йогурт с истёкшим сроком годности.

– Ты Ярика кормила? – захлопываю дверцу и иду к плите. Инна идёт следом, как вамир - за жертвой.

– Ребёнок в пять лет должен питаться родительским теплом и вниманием. Должен купаться в нём...

– Про белки, жиры и углеводы, как педиатр, думаю, ты в курсе. Рассказывать не надо? Поднимаю кастрюлю с крышки и смотрю на тоскливые полужасохшие макароны.

– Не надо говорить мне о том, что я плохая мать! – Высказывает мне высокомерно. – У тебя очередной «сложный случай», а я, как загнанная белка, кручусь в колесе. Мне не до кулинарных изысков. – Подумав, добавляет. – Наверное, он у мамы поел.

То есть она не знает, ел её сын или нет? Сейчас свалит, теще позвоню, выясню.

– Слушай, я нормально зарабатываю. Можем нанять няню. Или хотя бы домработницу. Чтобы не гадать, ел ребёнок или нет, — не повышаю голос, просто сообщаю.

– Какая няня? Блин, Олег! – заводится Инна. – Ты жрать хочешь, а прикрываешься заботой о ребёнке – у тебя в больнице столовая есть. Не вижу проблемы – ты ешь на работе, Ярик – у бабушки. Все счастливы и сыты. И вообще, тебе тут жить осталось месяц от силы. разведемся, я уж разберусь. И горничную найму, и няню... С твоих алиментов.

– Не ори ты, – не выдержав, рявкаю. – Я хочу Ярику нормально эту новость преподнести. Не хочу, чтобы он узнал вот так вот... Из-за перепалки по поводу отсутствию нормальной жарчки дома.

– Ты и выражаешься, как... – поджимает губы, пытаюсь подобрать нужные слова. – Как мужлан какой-то.

Я начинаю заводиться. Включаю воду и склоняюсь над мойкой. Вода расплёскивается и шумит. Стараюсь взять себя в руки.

– Инна, тебя подруги ждут, – выдыхаю. – Иди!

Только кажется, жена чувствует в этом очередной укор. Заводится с полуоборота.

– И не надо меня упрекать! – Взизгивает. – Я устала одна растить ребёнка! У меня на работе сопливые дети. Прихожу домой – здесь тоже дети... Меня уже клинит, понимаешь? Я просто хочу немного отдохнуть.

Чуть поворачиваю голову – там рисунок Ярика на стене. Инна, я и он – все с огромными красными руками и улыбками на лицах.

– Вот и отдыхай. – Выключаю воду и поворачиваюсь к ней. – Инна, я не мог прийти раньше, понимаешь?

– Мы и разводимся из-за того, что ты постоянно «не можешь». Ты не смог быть на юбилее моей мамы...

– У меня в тот день пациент чуть не умер, мужчина, 83 года...

– Ему уже пора на тот свет, мог и не спасать! А моя мама чудом пережила такое унижение! Не выдержав, встряхиваю её за плечи.

– Ты сама врач! Как ты такое говорить можешь?

– Я могу и дальше перечислять... – Инна яростно сверкает глазами. – Ты дежурил в нашу годовщину, тебя из отпуска вырвали на неделю раньше, и я потом осталась одна с Яриком на море...

– Не в питомнике диких тигров ведь, Инна! Не на льдине в Арктике! На море! Что страшного произошло?

– У тебя всегда работа на первом месте... Но ничего! – презрительно шурится. – После развода всё изменится. Если кто-то «умирает» в среду или пятницу — извини, папаша. У тебя — танчики.

Она выходит с кухни, громко хлопнув дверью.

Слышу, как она щебечет с Яриком – прощается и просит быть хорошим мальчиком. Потом каблук щелкает по полу, щелчок замка входной двери и тишина.

– Пап, ну ты что, скоро? – доносится из комнаты. А затем громкое «пиу-пиу», танки пошли в атаку.

– Иду сын, – откликаюсь.

На кухне приторно пахнет духами Инны. Подхожу к окну и дёргаю створку, хочется вдохнуть свежего воздуха.

На стекле моё отражение — лицо мужчины, который умеет спасать жизни. И ни черта не понимает, как спасти свою.

И ещё одна жизнь не даёт мне покоя. Эта пациентка. Богданова.

Не понимаю, спас я её или проклял. Хотя...

Если бы сейчас всё повторилось, я бы поступил точно также. Потому что выбора у меня не было. Буду верить, что обойдётся.

8.

Алина влетает в палату с такой скоростью, что задевает стул, который с грохотом падает. Она наклоняется, чтобы поднять его, и врезается коленом в медицинский столик.

Ойкает и, прихрамывая, продолжает двигаться ко мне.

– Мама, ты жива? Господи! – касается ладонью моего лба. – Я так испугалась...

– Жива, жива... – Приподнимаюсь на подушках и улыбаюсь дочке. – Я тебя ещё вчера ждала...

– Не могла, прости. Как узнала, сразу прилетела.

– Прилетела? – Приподнимаю бровь. – Откуда?

– Не важно... – Отводит глаза. – Я потом тебе всё-всё расскажу, хорошо?

– Прижимается ко мне щекой, и её рыжие волосы пахнут солёным ветром. – Мамочка моя, любимая! Чуть с ума не сошла от волнения.

Поглаживаю её плечо, и в груди разливается тепло. Даже предательство Ника сейчас кажется мелочью.

Бог с ним! Я готова простить всё, только за то, что он подарил мне эту бешеную, непослушную, чудесную девочку.

Алинка – не такая выстрадавшая, как Ромка – вот вторую беременность я даже вспоминать не хочу.

Алину Ник называл «залётной», она у нас получилась случайно. Мы тогда детей не планировали, Никита всё обещал, что на ноги встанем, жильём обзаведёмся, и дети тогда уже пойдут.

Возможно, если бы Алина не появилась, я бы никогда больше и не родила.

– Как всё произошло? Как ты умудрилась? Сердце остановилось совсем, да? Кардиостимулятор поставили? Точно хороший? Самый лучший надо!

Она тараторит, а я не знаю, на какой из вопросов первым отвечать.

Одно понимаю – об истинной причине моего «приступа» Ник умолчал. Его идеальная биография не должна быть запятнана такой пошлостью, как измена в душевой.

Алинка у меня бойкая. И спонтанная. И проблем с ней было – хоть отбавляй.

В пять лет разбила нос мальчишке во дворе. В семь – сломала руку, прыгнув с гаража. В день своего рождения пришла с прогулки покусанная дворнягой, которую пыталась «дрессировать».

Вместо торта с десятью свечками получила сорок уколов в живот. Кажется, именно тогда Ник сказал, что ему нужен «нормальный» ребёнок.

Дочка не оправдала его ожиданий. Во-первых, девочка. Во-вторых, какая-то неформатная. Наверное, только золотая медалистка и чемпионка Европы могла удовлетворить все его амбиции.

И профессию Алина выбрала неправильную, по его мнению – ветеринара. Непрестижно и неденежно.

Никому обязательно нужно было гордиться кем-то! Вот сейчас, когда под ключицу мне вшили кусок металла, всё видится по-другому. Сердце бьётся по-новому – без дрожи, без паники. Только холодный, расчётливый ритм. Это не просто прибор, это моя броня.

То, что я раньше принимала за желание иметь большую семью, теперь кажется эгоизмом – ему нужен был мальчик-продолжатель, кукла для демонстрации.

А тогда, двенадцать лет назад, Ник замучил меня. Высчитывал овуляцию, таскал по врачам. Уже тогда было понятно, что вторые роды мне дадутся сложно, но он настаивал. А я млела от того, какой у меня чудесный чадолюбивый муж.

Ромка родился слабеньким, недоношенным, требовал много внимания. И Алинка мне помогала – сердце уже тогда стало сдавать. А вот отец, который так мечтал о сыне, был слишком занят.

Сказать ей правду или нет?

Выдыхаю. Всё равно она узнает рано или поздно.

– Доченька... – Глаза начинают предательски щипать. – Мне нужно тебе кое-что сказать про отца.

И я выкладываю всё. Про душевую. Про ту женщину. Про то, как разбилось моё сердце.

Алина застывает. Сначала краснеет, потом бледнеет, потом её лицо становится каменным.

– Этот... этот... – Она ищет слово похуже, но даже её богатый лексикон даёт сбой. – Я так и знала! – Вскикивает, начинает метаться по палате. – Он всегда с тобой обращался, как... Не ставил ни во что, а ты терпела!

– Алин, – перебиваю её, стараясь говорить спокойно. – Он останется твоим отцом. Это не изменит его любви к тебе.

Дочь замирает. Потом медленно поворачивается, и в её глазах – такая взрослая, выстрадавшая боль, что у меня сжимается горло.

– Мам, ты что, совсем слепая? – Она говорит тихо, но каждое слово режет кинжалом. – Он никого не любит. Ни меня, ни тебя, ни даже своего драгоценного Ромку. Он любит только себя.

– Не надо, – говорю тихо. – Он же твой...

– Мам... – Взгляд у неё становится взрослым – не моя буйная девчонка, а сильная женщина. – Давно надо было развестись. Я всегда боялась, что он тебя убьёт как-нибудь. И ведь чуть не убил! Зря ты тянула...

Слово «развод» сказано. Пусть не мной, а моей дочерью. Но сказано.

Я не отвечаю сразу. Просто сижу и молчу. Я думала, что, сохраняя брак, прогибаясь под мужа, спасаю семью. Ведь детям нужен отец. А был ли он у них?

Плечи опускаются, расслабляясь. Будто с них снимают тяжёлый груз. И я чувствую, как что-то внутри отмирает – спокойно, почти без боли. Я принимаю сейчас важное решение...

– Ромка приходил к тебе? – Алина вглядывается в меня внимательно. – Ему тоже расскажи, пусть знает!

– Нет, – отвечаю, глядя в одну точку. – Только по телефону с ним разговаривала. Он в школе...

Я не успеваю закончить.

Дверь распахивается – на пороге Ник. В белом халате, с цветами и апельсинами. Весь правильный, чистенький. Начищенный, как медный пятак.

Алина фыркает и встаёт.

9.

– Куда собралась? – Ник хватает Алинку за локоть, останавливая. – Даже не поздоровалась?

– Привет, – послушно кивает и тут же продолжает ехидно. – И пока.

Ник с недоумением смотрит на дочь.

– Что– то не так?

– Домой пора. Душевую кабину хочу вымыть. – отстранившись смотрит на него, прищурившись. – Хотя... – Хмурится. – Ты же у меня в гостях и не был. И так чистая...

Встряхнув рыжими волосами, выходит. На ходу бросает:

– Пока, мам. Я ещё заскочу...

Дверь за Алинкой закрывается. А лицо Ника приобретает такое выражение, будто ему в глотку запихнули лимон.

– Ясно, – швыряет пакет с апельсинами в угол, и они яркими мячиками раскатываются по палате. – Донесла уже?

Слегка приподнимаюсь на локтях и, кряхтя, усаживаюсь поудобнее.

– Она взрослая девочка, не вижу смысла скрывать.

– На, это тебе. – Хрипит, бросает мне на ноги букет из роз. – Порадовать тебя хотел...

– Спасибо, – шепчу еле слышно. – Мне очень приятно.

– Унижать меня тебе приятно.

Проходит к столику, где стоит мой нехитрый полдник, недавно принесённый медсестрой. Булочка, прикрытая салфеткой, творожок и остывший чай. Осматривает всё это хозяйство и, подняв кружку, принимает. Делает небольшой глоток и морщится.

– Дрянь, какая!

Молча наблюдаю. Я знаю, что Ник быстро заводится, и в такие моменты его лучше не провоцировать.

– Приятно тебе меня унижать! – повторяет с нажимом, пальцы, сцепившиеся вокруг моей кружки, белеют от напряжения. – Перед детьми... Пожалела бы дочь!

– Ник, – говорю мягко. – Она всё равно бы узнала причину, по которой мы с тобой разводимся...

– О чём ты говоришь?

Он смотрит в окно, и я вижу только четко очерченный профиль. Резко очерченные ноздри раздуваются, будто принимает.

– Ты же не будешь отрицать, что развод в нашем случае...

Он зажимает ладонью глаза, вздыхает. Звук долгий, раздражённый, будто не может поверить в мою непроходимую тупость.

– Насть, я извинился. Я тысячу раз готов сказать, что был неправ. Это роковое стечение многих обстоятельств... – сообщает ровным и тоном, будто читает инструкцию к кофеварке. – Ты вернёшься домой, и мы продолжим жить, как прежде.

– Ник, я не могу вернуться туда.

Он медленно поворачивается ко мне. Нет, Ник не огромный качок. Но жилистый, жёсткий и цепкий.

Сейчас, когда он смотрит на меня не мигая, его лицо с грубыми чертами лица и злыми чёрными глазами пугает меня до мелкой дрожи. Похож на добермана!

Он стискивает зубы. В напряжённом ожидании облизываю губы.

– Я не вернусь. – Шепчу одними губами.

Секунда. Кружка с остатками чая врезается в стену над моей головой, меня накрывает осколками и каплями. Плечи дёргаются в испуганном всхлипе. Закрываю лицо руками и в слабом бессилии пытаюсь забиться в угол мокрой кровати.

– Нет, ты вернёшься!

Сердце сжимается. В мой моторчик будто отверткой тычут, и там что-то коротит.

Мне это кажется, понимаю. Но как объяснить острую боль за грудиной и кислый комок в горле, который не позволяет нормально сделать вдох.

Я не вижу его, ладони плотно прижаты к глазам. Но слышу, как он присаживается на корточки перед кроватью.

– Посмотри на меня!

Испуганно трясую головой. Нет, я не хочу его видеть. Не могу...

Слишком близко. Слишком давит. Тело будто помнит, что нельзя перечить, нельзя дергаться, нельзя даже резко моргнуть. Каждый мускул знает это. Как выдрессированная собака, улавливаю даже тон его дыхания, и вся скукоживаюсь внутри.

Всхрапнув, Ник с усилием отводит мои руки.

– Не надо... – Всклипываю жалким клёкотом и выставляю ладони перед собой, защищаясь. По лицу текут остатки чая, смешиваясь со слезами.

– Ты что, малыш... – Перехватив напряжённую ладонь, прикладывает её к губам, не сводя с меня горящего взгляда. – У нас же семья, сын, дочь, бизнес...

– Алина большая, Ромка поймёт... – хриплю еле слышно.

– Ни хрена не поймёт Ромка. – Шепчет ласково, но глаза – тёмные омуты. Я смотрю в них, как замороженная злым духом. – Ты вернёшься, и всё будет, как раньше. Ты поняла меня?

Закусив губу, машу головой, сопротивляясь.

– Нет...

Но он будто не слышит.

– И все будет хорошо. Ты пойдёшь на работу, всё будет, как и раньше. Без тебя и дома, и в твоём бизнесе – никак...

– Это мой бизнес, – слабо шиплю. – Ты сам говорил.

– Нет, дорогая. Он в клининг мои деньги вложены. И квартира, насколько ты помнишь – моя. И Ромка не останется... Он – мой наследник, приемник... Я не хочу, чтобы его воспитывала слабая истеричная... – замолкает подбирая слова, в этот раз, видимо решает обойтись без лишних унижительных грубостей. – ...Женщина. У тебя больное сердце, тебе нигде будет жить, у тебя нет своего дела.

– Не продолжай!

– К тому же тебе нужен уход, спокойная семейная обстановка и любящие люди рядом.

Он говорит со мной, как с безвольной дурочкой. Будто ничего не было.

Грустно смотрю на кровать в мокрых коричневых пятнах.

– Я не хочу, – выдаю последний жалобный писк.

– У тебя нет другого выхода, малыш.

Я хочу сказать «нет». Но горло снова сдавливает. В теле — ватность. Не страх, а какая-то холодная пустота. Я больше не верю, что могу изменить что-то словами. Ни он, ни я — мы не слышим друг друга. Он говорит, словно выносит приговор. А я живу под этим приговором уже много лет.

И сил нет... Даже сейчас.

Встаёт и идёт к двери. Останавливается и смотрит на меня через плечо.

– У тебя до выписки есть время подумать над своим поведением. И пока, угощайся. – Уголок губ слегка приподнимается. – Хорошие, мадагаскарские...

Ногой пинает ко мне апельсин, и он катится ярким пятном по серому больничному полу. Закатывается под кровать.

Я выше натягиваю простынь, мне хочется укутаться ей с головой.

– Я всё тебе сказал. И думаю, ты меня поняла...

Хлопает дверь, а я так и сижу, уставившись в одну точку. Жду, когда кардиостимулятор снова успокоит моё слабое, помятое сердце.

10.

Сию на кровати, пытаюсь вывести мысли из сумбура. Приходит дрожь – следствие отходняка.

При Нике я была будто заморожена, контролировала эмоции, старалась молчать и не провоцировать. И вот...

И вот, вместо облегчения, которое я должна испытывать, моё ослабевшее тело начинает трясти.

Я ожидала, что всё будет непросто. Но мне до хотелось бы разойтись спокойно, без нервотрёпки.

Ромка!

Если Ник закрутит вокруг меня информационную войну, я не уверена, что сын захочет остаться со мной. Он же ребёнок. Ему легко навешать лапши на уши, сказать, что я больна и сама не осознаю насколько. Что меня надо беречь...

Ромка будет умолять меня оставить его с отцом из жалости. Мысли о том, что Ник способен наговорить про меня гадости или подкупить сына, я гоню прочь. Не может же он быть настолько гнилым и убогим.

Хотя... Больше нет той прежней беззаботной жизни, когда я была уверена в завтрашнем дне. Теперь мне и умирать страшно. Потому что Ромку придётся оставить не на любящего мужа, а на бешеного незнакомца.

Волнуясь, набираю сына. И когда он бодро отвечает, сердце сразу наполняется любовью. Чувствую, как меня возвращает к жизни.

— Как ты, Ром? Контрольную по английскому написал? Ту, к которой мы вместе готовились, а?

Хочу вызвать у него добрые воспоминания. Мы ведь учили эти дурацкие неправильные глаголы — смеялись до колик.

Но выходит неудачно.

— Мам, тебе, кроме учёбы, хоть что-то интересно?

— Эм... Всё интересно, — лихорадочно думаю, что бы спросить. — Ты что ел сегодня? Прикусываю язык. Самый идиотский вопрос в мире! Как я только могла его задать?

— Мам, я нормально ем. Папа меня кормит. Мы еду заказываем.

Нервно перебираю пальцы, не зная, что ещё сказать. Он другой. Не мой мальчик. И я не могу понять, что с ним случилось.

Он сам опережает:

— Чем ты недовольна, мам? Зачем ты папу обижаешь? Он же всё для тебя делает. В больнице ночевал. Чуть с ума не сошёл от переживаний.

— В больнице?.. — переспрашиваю, растерянно. — А он рассказал тебе, что случилось?

— Так и так понятно, что случилось! — голос срывается. — Он тебя к врачу затащить не мог. Довела себя...

Прикусываю губу. Внутри воюют две части: обиженная женщина и мать, не желающая нанести ребёнку психологическую травму.

— Это папа тебе так сказал?

— Конечно он! Тебя вообще ничего не волнует, кроме моих оценок и еды. Как бабушка, честное слово. Ещё бы спросила, носил ли я шапку.

Он злится — и я понимаю его. Для меня он до сих пор тот самый мальчик с разбитыми коленками, которому я строила куличики в песочнице.

— Ром... Мы с твоим отцом... — делаю паузу. — В последнее время накопилось много противоречий.

— Это в голове твоей противоречия! — неожиданно кричит он. — Всё же нормально было! Ты понимаешь, что всё нам испортишь? И себе, и мне, и папе?

Слишком взрослые слова для ребенка.

— Ром, я соскучилась... — вырывается со всхлипом.

Только уже поздно. Он не слышит — ослеплённый обидой и подростковым гневом.

— Если вы разводитесь — я остаюсь с папой, слышишь?

— Может, навестишь меня? Я буду рада...

— Хоть не будет мучить меня глаголами и овсянкой...

Наверное, нужно время. Пусть остынет. Первый удар по моему ребёнку успел нанести Ник, не знаю когда... Может быть уже вчера подстраховался. Я сейчас могу только навредить нашим отношениям. Останусь для него той, кто портит ему жизнь.

— Прости, Ромка, у меня процедуры. Потом поговорим...

Горло сжимает спазм. Слова даются с трудом.

Главное, что у меня есть — мои дети.

Слёзы катятся по щекам. Даже сил вытереть их нет.

Телефон снова вибрирует. Я замираю. Может, это ромка? Одумался? Пожалел о своей горячности?

— Да, Ром! — поспешно отвечаю, стараясь не выдать голосом слёзы.

— Привет, Настюш, как ты? Я так переживаю! Все переживают.

Сердце сжимается.

— Всё в порядке, Наталья Владимировна, — говорю ровно, из последних сил. — Ещё три дня — и домой.

Главбух, весёлая и бойкая женщина, обычно поднимает всем настроение. Но не сегодня.

— Насть, прости, что беспокою, но Никита Романович не у тебя?

Смахиваю слезу.

— Не-е-ет... — тяну. — А что случилось?

— Моющие закончились. Завтра — объект. А я дозвониться не могу, платёж провести надо. Вот и думала...

Молчу, сжимая телефон до хруста пластика.

— Если он рядом, передай трубку, мне только платёж согласовать...

Плотно сжав губы, смотрю на розы, лежащие у меня на коленях. Скидываю их движением ноги. Но они цепляются колючками — как Ник.

— Или скажи, как с ним связаться. Я не могу без него. Сама знаешь...

«У тебя нет другого выхода, малыш...» — звучит в голове.

— Может, с вашего счёта оплатить, как всегда? Вы потом сочтётесь — по-семейному.

Розы падают на пол с глухим стуком.

— Нет, с моего не надо, — отвечаю, может, слишком резко. — Я девочкам позвоню. Пусть глянут на складе — вдруг что осталось.

— Поняла... — тянет. — Ну, дело ваше.

Сама виновата, что не имела доступа к бухгалтерии клининга. Считала: одна семья — общий бюджет. А Ник уверял, что не хочет меня грузить «лишними проблемами».

Иногда я сама делала срочные платежи. Потом он возмещал — если я напоминала.

Захожу в приложение банка. Конечно, поступлений нет. Денег — немного.

«У тебя нет другого выхода, малыш...»

Запуская пальцы в волосы, утыкаюсь лицом в колени. Мышеловка какая-то!

Вижу своё неприглядное будущее: ночью в подсобке ветеринарки у Алинки, а Ромка — чумазый, голодный, не может войти в ванную, потому что отец там с очередной пассией...

От этих мыслей меня прошибает потом.

Телефон снова вибрирует, но я не отвечаю. Боюсь — ни один кардиостимулятор не выдержит таких нагрузок.

— Почему сидите? А ну быстро ложитесь!

Поднимаю взгляд — передо мной Ярославцев. Даже не заметила, как он вошёл.

— Не понял! Вы домой не хотите? — смотрит на валяющиеся на полу цветы и раскатанные апельсины. — Совсем себя не бережёте!

Рявкает грозно, но всё равно я ему благодарна. Это забота. А сейчас даже эти крохи человечности мне приятны.

11.

– Простите, Олег Игоревич, – торопливо утираю мокрые щёки. – Всё хорошо. Я так...

Он останавливает меня недовольным взглядом, а я почему-то испытываю облегчение. Наверное, все пациенты так себя ощущают рядом с врачами, которые спасли им жизнь? Я не знаю.

Но в его присутствии меня одновременно распирает благодарность и охватывает ощущение, будто с его появлением испаряются все мои неприятности.

Не спрашивает про беспорядок в палате, и за это я ему отдельно признательна. Что я могу сказать? По-бабски жаловаться на мужа?

Ярославцев медленно, будто опасаясь наступить на мины, обходит апельсины. Подходит ко мне.

Тащит к себе стул, который скрипит ножками по линолеуму, и я морщусь. Он тут же подхватывает его и ставит рядом беззвучно.

Привычным жестом сбрасывает с шеи фонендоскоп и вставляет в уши блестящие дужки.

– Давайте послушаемся...

Послушно опускаю простыню, и он погружает металлическую головку стетоскопа в вырез больничной ночнушки.

Металл – ледяной, а руки у него – сухие и тёплые. Вспыхиваю при мысли, что лежала перед ним на операционном столе. Голая.

Но он даже не смотрит на меня. Едва заметно шевелит губами. Передвигает этот чёртов кружочек влево-вправо, а я из-под ресниц поглядываю на него, и почему-то мне хочется, чтобы он слушал подольше.

От него спокойствием веет. Кажется, уйдёт – и опять всё навалится...

Ярославцев недовольно набрасывает стетоскоп обратно на шею.

– Я не отпущу вас!

– Что? – вынырываю из своих мыслей. Сначала даже кажется, что он говорит мне это не как врач...

– Вы не бережёте себя. И позаботиться о вас некому.

Суетливо поправляю ночнушку на груди.

– Ну почему же, есть...

– Вы здесь третий день, а вам до сих пор одежду не привезли. И посуда больничная. И апельсины вам нельзя, у вас аллергия...

Открываю рот, чтобы уточнить, откуда у него такие сведения, но быстро соображаю. Конечно, у него в руках моя больничная карта.

Только странно, что мой врач знает обо мне больше, чем мой муж.

Мелькает шальная мысль: за последний год голой меня видел только он. А может, и дольше.

Ник «развратные игрища» не приветствовал. Быстро под одеялом – и спать... Утром же дел много, вставать рано.

Тем удивительнее, что душевые кабины его так возбуждают.

Снова подкатывает обида к горлу – за себя, за свою женственность. Поджимаю губы, чтобы не разреветься.

– Анастасия, так нельзя, понимаете? Я вам кардиостимулятор поставил не для того, чтобы вы своё сердце опять гробили.

Олег Игоревич накрывает мою ладонь рукой. Пальцы у него красивые, длинные – такие и должны быть у хирурга. Так и хочется смотреть, не отрываясь.

Помолчав, добавляет:

– Или позволяли другим его гробить.

– Я не позволяю, – ловлю его недовольный взгляд, снова туплю и бормочу. – Извините.

– Да хватит вам извиняться уже! – он чуть не взрывается. – Ну что это такое? Вы же нежная, красивая, привлекательная женщина. Настоящая королева! Ну что это за расшаркивания постоянные? Не надо!

– Не буду, – покорно улыбаюсь и поправляю за ухо выбившуюся прядь.

Мне тяжело ему противостоять, и приятно, что для кого-то я королева.

Телефон снова дрожит, и я раздражённо вздыхаю. Даже в эти редкие мгновения женского счастья кто-то смеет вмешиваться.

– Вам сил нужно набираться, отдыхать. Кардиостимулятор – не панацея, просто помощь для вашего сердца. К тому же каждый организм индивидуален, ещё не известно, как ваш отнесётся к такому «костылику». И если вы и дальше будете себя добивать, то нам придётся встречаться с вами на регулярной основе...

Он говорит, я одним ухом слушаю и думаю о том, что повезло же какой-то женщине.

Явно не обижает, и любовниц в ванной не прячет. Вон, на работу к своей жене приезжал, я же помню. Только позавидовать можно ей. Таких мужей нужно запускать в массовое производство. Штамповать пачками и выдавать, чтобы у каждой женщины был свой.

Тихо улыбаюсь своим мыслям.

И снова вибрация.

– Вы ответьте уже, кто-то потерял вас.

– Угу.

Снимаю экран с блокировки и пару секунд смотрю на сообщения, отказываясь верить своим глазам.

– ...Есть ещё медикаментозная терапия, но в вашем случае это малоэффективно...

Слова вливаются в меня туманным облаком и тут же выскальзывают обратно.

Я смотрю на экран, и губы покалывает иголочками. Почему-то на лбу выступает пот.

– ...Анастасия! – Он поднимает меня за подбородок, серые глаза совсем близко – каждую ресничку вижу. – Вы что это? Не уплывайте...

А я и не уплываю. Смотрю ему в глаза, цепляюсь сознанием за своё крошечное отражение в зрачках.

Потому что я борюсь с желанием перевести взгляд вниз и прочесть остальные сообщения. А пока перед мысленным взором бегут буквы, складываясь в слова. «Отстань от него, тварь», «Фригидная старая курица» и что-то ещё...

Но тоже гадкое и очень противное.

Ярославцев вырывает из моих рук телефон, пробегает глазами по гаснущему экрану.

– Бл...! – Вскрикивает и мчится к двери, орёт: – Сестра, сюда, быстро!

12.

– Вы не имеете права!

Я просыпаюсь от голоса Ника и сначала не понимаю, снится мне это или нет.

– Там моя жена, как вы смеете?

Сначала наваливается непонимание. Это же мой муж, он хочет ко мне попасть... А потом вспоминаются сообщения, и я ногтями скребу по подушке. Хочется вытащить её из-под головы и накрыться с головой.

Пальцы слабые, соскальзывают. Мне не удаётся ухватить уголок.

– Я вынужден препятствовать вашей цели угробить мою пациентку...

Замираю. Ярославцев.

Говорит тихо, нарочито вежливо. Но даже из-за дверей слышно, как его голос вибрирует яростными нотками.

– Да как ты можешь, эскулап поганый...

Сдавленный крик, непродолжительный шум и грохот. И снова пространство разрывает вопль Ника.

– Я на тебя в суд! Ты пожалеешь, понял!

Он кричит что-то ещё, но голос удаляется, уходит.

Под дверями Ярославцев отдаёт кому-то сдержанные указания, затем тишина.

Закрываю глаза и вминаю затылок в подушку. Слышу, как он заходит.

Мне почему-то стыдно смотреть ему в глаза. Не хочется ничего объяснять, жаловаться или оправдываться. А ведь придётся?

Он заходит, со вздохом опускается на стул у моей кровати и шуршит бумажками. Мягко касается моего лба, отводит волосы с лица.

И звенящая тишина. Такая плотная, что, кажется, мысли свои слышу.

Неужели смотрит? Разглядывает меня.

Мне кажется, я не дышу всю минуту, пока длится эта пытка. Пусть думает, что я сплю.

Приподняв мою правую руку, щупает пульс. И резко отпускает...

Как послушная девочка, изящно опускаю руку на грудь. И он хмыкает.

– Настя...

Я не шевелюсь. Я сегодня – спящая красавица.

– Я понимаю, что тебе не хочется просыпаться, – тихо шепчет, склонившись ко мне. Так низко, что я чувствую дыхание на щеке. – Но в реальность придется возвращаться. Это моя работа, чтобы ты жила. Здесь и сейчас.

Не хочу! Тогда нужно думать, что делать с Ромкой, жильем, деньгами, искать адвоката, беседовать с Ником. Не хочу!

– Если бы ты была без сознания, рука бы на лицо упала. – Его дыхание щекотит мне ухо.

Я не выдерживаю, улыбаюсь.

– Ну вот, другое дело. Ты уже двенадцать часов спишь.

Для приличия дрогнув ресницами, открываю глаза. Его лицо совсем близко. Серые глаза с зелеными крапинками смотрят на меня с какой-то нежной участливостью.

– Как самочувствие?

Снова улыбаюсь и киваю. Разве может быть плохо, когда на тебя так смотрят?

– Пришлось дать тебе успокоительное, – слегка ведёт рукой по моей голове, как бы поглаживая и успокаивая, но я невольно тянусь за его ладонью, как соскучившийся по ласке котёнок. – Тебе нельзя так нервничать после операции.

– Хорошо, – произношу одними губами. – Я постараюсь не нервничать.

Мне и правда, сейчас всё равно, что там с моим мужем. Я живу здесь и сейчас, как он и сказал.

– Я бы не возвращал тебе телефон, но боюсь, что ты будешь против. Да?

– Да. Дочь будет волноваться. – Хриплю. – Наверное, звонила уже.

– Возможно. Я отключил его. Вернуть?

Киваю.

Он отстраняется от меня и лезет в карман халата. С неохотой протягивает мне мобильник.

Я беру его так, будто мне дают раскалённый кирпич. Пальцы дрожат, с трудом удерживая телефон в ладони. От слабости, страха или от обиды – я и сама не знаю.

– Те сообщения, что я видел, могли и здорового человека подкосить. – добавляет он
Закусываю губу и снимаю блокировку.

– Это любовница мужа, – шепчу и добавляю, подумав. – Наверное.

– Да уж, точно не твои друзья, – ухмыляется. – Тебя будто специально хотели добить.

Удали их не читая.

Встаёт и я бросаю на него умоляющий взгляд.

– Остаться, да?

– Да, пожалуйста.

Хочу сказать, что с ним мне не так страшно. Но почему-то стесняюсь.

Мы незаметно и органично перешли на «ты», хотя «выкать» женщине, которую при тебе называли старой фригидной дурой – наверное, запределный уровень вежливости, граничащий с занудством.

Олег Игоревич тактично отходит к столу, а я пробегаюсь глазами по непринятым звонкам. Несколько от Алинки, с работы, и куча вызовов от Ника.

И сообщения от него:

Меня подставили. Я уволил эту дрянь.

Не верь никому, я с ума схожу.

Настя, я тебя люблю. Ты единственная женщина

И прочее, и прочее...

Возможно, не будь здесь Ярославцева, я бы набрала Ника. Уж очень искренние переживания.

Еще одно сообщение приходит, когда я держу телефон в руках.

Этот утырок выгнал меня из больницы. Настя, я буду всю ночь стоять под твоими окнами. Дай объяснить!

Внутри меня сейчас две женщины – одна отчаянно хочет, чтобы Ник сказал мне правду. Чтобы весь этот ужас оказался ложью. Я бы вернулась домой, к сыну. Пила бы кофе из любимой чашки по утрам, по вечерам мы с Ником смотрели бы фильмы, а по выходным пили вино из высоких фужеров богемского хрусталя, которые свекровь подарила на свадьбу.

А вторая женщина желает... Даже не знаю, чего она хочет. На осознание всего происходящего и месть у неё просто нет сил. Она хочет просто лежать в палате, и изголодавшимся по нежности женским сердечком хватать крохи ласки и заботы от почти незнакомого доктора. Набираться сил и постепенно оживать.

Чтобы не думать о Нике, удаляю все гадкие сообщения с незнакомого номера. Там, кстати, еще и несколько фотографий. Если бы не Ярославцев, притулившийся на стуле рядом, я бы точно не удержалась, и как мазохистка со стажем просмотрела бы все детали. Но он рядом, и я ему обещала это сделать. Все равно Ник скажет, что это фотомонтаж.

Стул поскрипывает, и я бросаю быстрый взгляд на врача. Он ведет ладонью по лицу и зевает. Только сейчас отмечаю, что вид у него осунувшийся, костяшки на руке сбиты. Навер-

ное, дежурил всю ночь. Ника от палаты отгонял. Еще и я тут со своими выкрутасами – то спящей притворяюсь, то прошу посмотреть, как я буду в телефоне рыться.

Внутри всё отзывается болью, будто это я виновата, что он такой потрёпанный. Сама – то выспалась, а теперь будто добиваю его.

Всего несколько секунд изучаю ссадины на руках, раздумывая, как бы мне ему отплатить. Наконец, решаю.

– Знаете, – произношу тихо. – У меня сейчас не лучший момент. Но, когда всё наладится, я могу вас в гости пригласить?

Он как-то странно ухает и смотрит на меня с подозрением.

– Вы не подумайте. С женой приходите, с детьми. Я готовлю хорошо... У вас же есть дети?

– Сын...

– Ну вот, – Я оживляюсь и даже привстаю на локтях. Мне сейчас просто необходимо что-то говорить, делать. Или выспалась, или стараюсь занять себя чем-то чтобы не переживать и не накручивать себя. – Как здорово. И у меня тоже сын есть. Я, как выпишусь, обязательно вас чем-то вкусным угощу. Любите манты? Кстати... Можно у дочки моей, Алины, собраться. Там тесновато будет, зато душевно. Я с женой вашей рецептом поделюсь, у меня еще мамин, фирменный. Мальчики поиграют вместе. Вашему сыну сколько лет?

Он смотрит на меня так, будто я у него закон Ома спрашиваю. Или греческий алфавит.

Несколько долгих секунд изучает моё лицо. Затем открывает рот, будто что-то сказать хочет. И снова закрывает.

Если начала, нужно уж и заканчивать. Прочищаю горло и спрашиваю, сгорая от неудобства.

– Ну как? Хорошая идея?

– Так, Богданова, – рявкает. – Вы мне зубы не заговаривайте. Выпишитесь сначала. На глупые сообщения не отвечать, мужа к чертям посылать, травмировать себя не позволять! – непривычно грозно рычит. – А будете расклеиваться, я вас... Я вас переложу в палату к Сергеевне. Вот там послушаете, какие проблемы у людей бывают. Все дурные мысли из головы сразу выбросите...

Дурные мысли, это что я отблагодарить его хотела?

Я едва не давлюсь воздухом от смущения, а он резко встаёт и выходит, хлопнув дверью.

Наконец – то достаю подушку из-под спины и валюсь навзничь, прикрыв пылающее лицо.

Идиотка! Ладно бы коньяк ему подарила. Конфеты с ликёром. Даже просто конверт. Нашла, что предлагать! Рецепт мантов, блин, с женой поделюсь... Мальчики поиграют!

Придушить себя готова. По привычке прислушиваюсь к своим ощущениям.

Стыдно да, но сердце колотится ровно и чётко. И в пот не бросает. Наверное, на стыд мои приступы дурноты не распространяются. Или на Ярославцева.

13.

Я не отхожу от окна. Стекло ледяное, холод прожигает лоб. По палате тянет стерильной прохладой, но меня распирает жар от тревоги.

Алина обещала заехать к обеду и забрать меня домой. Мы уже всё решили: пока идёт развод, проживу у неё. Подальше от Ника, подальше от этой... липкой, удушающей жизни. Я на его звонки не отвечаю, а к больнице его не пускают – спасибо охране. Наверное, его отрезают прямо от входа.

Только обед давно прошёл.

Вечернее солнце бьёт в окна соседнего корпуса, отражается в них яркими бликами, наполняя мою палату умиротворяющим светом. А Алины всё нет.

Ярославцев заходит несколько раз. С усталой улыбкой вглядывается в моё лицо, кивает и уходит. Всегда бросает что-то смешное и одобряющее, вроде:

– Дочка марафет наводит, наверное. Ничего, скоро будет. Вы у меня обе санитаров не смущайте только.

Я ободряюще хихикаю, пряча тревогу. Ему некогда меня гладить по голове и успокаивать. А я и не хочу быть обузой.

Мне же дальше придётся жить без его опеки, поэтому стараюсь не расстраивать своего чудесного кардиолога.

Ничего, скоро Алина подойдёт. Я просила её собрать небольшой врачебный презент. Мне до сих пор неловко за своё предложение, которое он так странно воспринял. Постараюсь исправиться.

Я опять звоню Алине и слушаю сообщение о том, что абонент находится вне зоны...

Сердце стучит всё громче, будто пытается пробить рёбра. Звоню снова. И ещё раз.

Хочется верить, что ничего не случилось. Что она просто забыла, перепутала или занята. У неё новый парень, вся в любви и заботах.

Дверь палаты открывается резко, и я дёргаюсь.

Не Алина...

Натянута улыбаюсь, увидев Олега Игоревича, но моя чахлая улыбка тут же сползает, когда за его спиной вырастает Ник. Он в спортивном костюме, под глазом зелёно-жёлтый синяк – видимо, застарелый презент от Олега Игоревича. Лицо исполосовано свежими царапинами. Вид помятый.

У меня всё внутри проваливается. Под волной слабости медленно опускаюсь на стул.

– Что случилось? – выдыхаю в ладонь.

– Настя, – Ник говорит тихо. – Ты только не волнуйся...

И я покрываюсь внутри изморозью. Все ужасные новости начинаются с этой идиотской фразы.

– Что? – шепчу побелевшими губами.

Ник присаживается на корточки передо мной и берёт меня за руку. Послушно поддаюсь – я сейчас будто ватой набита.

– Она ушла в поход, на связь не выходит... Не переживай, её найдут, она не одна.

Я слышу его слова и понимаю их по отдельности, но мозг отказывается складывать их в смысл. Ну да, моя Алина может вот так – сорваться на поиски приключений. Но она же знает, что меня выписывают. Она не могла уйти далеко.

– Ко... когда? – у меня сухо во рту. – Когда ушла?

– Второй день уже пошёл, Настя. Не волнуйся. Их ищут.

Ярославцев подходит, кладёт ладонь мне на плечо. Ладонь тёплая, уверенная.

– Богданова, если вам нехорошо, можете остаться.

Но я его почти не слышу, стряхиваю руку движением плеча.

– С кем она?.. – мой голос чужой, рваный. – Ты его знаешь? Телефон есть?

– Конечно, знаю, – Ник чуть пожимает плечами. – Серёга, хороший парень. Но и его телефон недоступен.

– Ты знаешь, а я... даже имени не знала, – слова рвутся шёпотом. Горло сжимает обида.

– А тебе она рассказала?

– Да, мне рассказала, – в его голосе покровительственное снисхождение. – Настя, если бы ты меньше дулась и больше интересовалась...

Я опускаю взгляд на свои колени и тупо рассматриваю руку Ника. Под его ухоженными ногтями грязь, будто землю рыл.

Он что, и правда по лесу ходил? Искал её?

А я ведь и правда не лезла к ней. Да и Алина не спешила делиться. Всё-таки я в больнице лежу. Отмахивалась и отсмеивалась: вот выйду – познакомишься.

Почему-то накатывает чувство вины. Будто, если бы я не валялась здесь, то могла что-то сделать.

– Ты же в больнице... – великодушно успокаивает Ник. – Ты и не должна была её парня знать. Я пока за ней присматривал.

– Вот и присмотрел... – цежу злобно. И тут же по привычке тихо добавляю. – Прости.

Да, Ник тоже не виноват. Никто не виноват. Глупо ссориться, когда взрослая дочь ушла куда-то и не даёт о себе вестей.

– Не начинай, – он поджимает губы, глаза прищурены. – Сейчас не время. Главное – чтобы она нашлась.

– Я... хочу к ней, – выдыхаю наконец, но голос ломкий, как тонкое стекло. – Если её ищут, то мне туда нужно. Где, в каком районе?

– Нельзя тебе. Ты же понимаешь? Там профессионалы работают. Я всех поднял, не переживай.

Ярославцев рядом кивает, соглашаясь.

– До последнего тебе не говорили. Я надеялся, что найдём. Прямо с поисков к тебе приехал, – сглотнув, добавляет Ник и поднимает на меня покрасневшие глаза: – Настя, в такие моменты семья должна быть вместе. Поехали домой. Ромка скучает. Тебе нужен покой.

Я глотаю воздух рывками. В висках давит, будто кто-то сжал голову обручем.

Резко встаю, и обхватив себя руками, отворачиваюсь к окну. Снаружи – стена другого корпуса и пустая аллея. Листья кружат по асфальту, как потерянные души.

Мой муж бегал по лесу с волонтёрами, где-то в пустом доме сидит перепуганный и голодный Ромка. И только со мной все носятся, как с хрустальной вазой. Берегут.

Закусив губу, оборачиваюсь и смотрю на своего врача.

Он стоит рядом, руки в карманах, глаза серьёзные.

– Езжайте. Мне спокойнее будет, если вы под присмотром. Хотя бы на пару дней.

Я позволяю Нику поднять меня. Ноги ватные, колени дрожат. Он поддерживает за локоть, и мы идём по коридору.

– Её найдут, – успокаивает он меня. – Сейчас двадцать первый век. Люди так просто не теряются. Наверняка сели батареи.

Я прижимаюсь к его боку, меня колотит – от волнения или холода, сама не знаю. Наверное, мне так проще идти, сама я и шагу не сделаю.

На улице пахнет бензином и мокрой листвой. Я вдыхаю – и в горле встаёт ком.

Где-то моя девочка... Господи, пусть с ней всё будет хорошо.

Мы идём к машине, я спотыкаюсь и Ник обвивает рукой мою талию. Он ведёт меня по той аллее, на которую я смотрела сверху. Поднимаю глаза в надежде увидеть среди одинаковых прямоугольников своё окно.

В одном из окон – белый халат, это Ярославцев смотрит на нас. В прощальном жесте поднимает руку.

– Не переживай, мы найдём её, – бормочет Ник. – И всё снова будет хорошо.

14.

— Настя, сядь и успокойся, — рявкает Ник.

Но я не могу. Ноги сами несут меня по комнате — пять шагов до окна, разворот, пять шагов обратно.

Кругами хожу, как раненый зверь в клетке.

— Мам, правда, задолбала! — сын швыряет телефон на диван. В его голосе — не детское раздражение, а взрослый страх.

Я понимаю его и не злюсь. Его мир сейчас разваливается на части — расходятся родители, пропала сестра, и он не знает, как это склеить обратно.

— Туда нужно поехать, — голос у меня дрожит, руки сами складываются в мольбе. — Ник, ты же знаешь, куда они пошли? Поехали туда, а?

— Если ты после операции себе бронхит заработаешь, Алинка тебе спасибо не скажет, — Ник хмурится, а в глазах та же беспомощность, что гложет и меня. — Иди в постель. Если будут новости — сообщу.

— Если я там буду, рядом... — голос срывается. — Может, почувствую что-нибудь? Пожалуйста!

— Послушай, — он резко встаёт, подходит ко мне, ладони вжимаются в мои щёки, заставляя вскинуть лицо. — Я поднял всех. Я сделал всё, что мог! Ты сама знаешь, какие у меня связи.

Киваю. Знаю.

— Поэтому давай не будем мешаться под ногами у профессионалов. Зачем им в лесу финансист и домохозяйка?

— Я директор твоей фирмы, — произношу на автомате. — Уже год!

Меня каждый раз ранит, когда меня называют «домохозяйкой». Будто я ни на что больше не способна или у меня был выбор. Да, я долгое время не работала после рождения Ромки. Здоровье нужно было восстановить, и детям требовалось уделить внимание. Да и Ник требовал неукоснительного порядка, свежей пищи и уюта.

Мне иногда кажется, что муж организовал этот клининг, чтобы не стыдиться перед своими клиентами и партнёрами за никчёмную жену.

— Клининговой, Настя, — Ник вздыхает. — А не по экипировке для спецназа или экстремальным путешествиям. Я не хочу тобой рисковать. Переживать ещё и за тебя — это слишком.

В его глазах — вселенская печаль и тёмная боль. Сердце подскакивает к горлу от жалости.

Что я творю! Он, и правда, переживает за нас. Меня сейчас простуда свалит с ног. Не стоит быть такой эгоисткой. Мне, может, и проще быть там, рядом с поисками. Но ему — проще, когда я здесь.

— Хорошо, — покорно соглашаюсь.

И он, помедлив, отпускает моё лицо, продолжая вглядываться — горячо, трепетно. У меня мурашки бегут от его взгляда.

А потом — резко, почти грубо — обхватывает меня, прижимает к себе. Я утыкаюсь носом в его грудь. Вдыхаю знакомый запах и всхлипываю.

Ник гладит меня по голове.

— Всё хорошо будет, родная, всё будет хорошо.

Ромка подходит, и я свободной рукой прижимаю его к своему боку. Так и стоим мы втроём, обнявшись.

И мне становится тепло и тихо. В меня будто переливается уверенность Ника.

Нет, я не забыла ничего. Его гадкая измена липким тёмным пятном въелась в меня. Сидит где-то в печени и отравляет.

Но если это пятно глушить теплом и объятиями, отмывать любовью и заботой, может, оно пройдёт?

Не сразу, конечно. Но побледнеет с годами и оставит после себя лишь полустёртый серый контур.

Вдруг получится?

Вот сейчас я благодарна ему за то, что он так переживает об Альке и обо мне. И уже не так больно. Будто на саднящую рану положили толстый слой мягкого обезболивающего крема. Боль ещё чувствуется, но не так остро.

— Ромка, иди к математике готовься, — говорит сыну добродушно, по-отцовски. Ерошит ему волосы.

Не рывкает, не ругается. Просто говорит.

И Ромка не огрызается. Всхлипнув, потому что, видимо, и его пробрало, уходит в свою комнату.

А мы так и стоим с Ником, обнявшись. Я прячу лицо у него на груди, а он тёплыми губами касается моих волос.

— Вместе мы справимся, Насть. Точно знаю.

— Угу, — только и могу выдавить.

— Не уходи только, — шепчет. И я чувствую, как дыхание щекотит макушку. — Это глупость была одноразовая. У меня кроме тебя никого нет. Сам себя сожрал от чувства вины. Если бы я мог всё назад вернуть...

Мне кажется, или мне на волосы падает что-то тяжёлое и мокрое?

Господи, плачет, что ли?

Не веря, поднимаю лицо. Он поспешно отворачивается, пряча покрасневшие глаза.

— Прости, я что-то... — бормочет, как-то нелепо разводя руками.

И в этой своей искренности так мил, что у меня внутри всё переворачивается от нежности.

Улыбаюсь ему, ещё несмело, неловко. Но улыбаюсь.

— Ты же не уйдёшь? — бросает на меня настороженный взгляд из-за плеча.

Прикрыв глаза, мотаю головой.

Ну куда я сейчас пойду? Разбить сердце Ромке? Сгоряча разрушить годы семейной жизни, всё, что строила, создавала своими руками?

Да и ждать Алинку в одиночестве я не смогу. Сойду с ума.

— Люблю тебя, — нежно целует в лоб. И отстраняется. — Прости, я в ванную. Что-то развезло меня совсем.

При слове «ванная» у меня внутри завывает сигнал тревоги. Но я гашу его усилием воли. Это просто посттравматический синдром.

К психологу нужно походить с этой проблемой. У нас две ванных комнаты. Буду пока пользоваться гостевой, а потом ремонт и в основной сделаем, чтобы никаких болезненных следов не осталось.

Сажусь на диван, устало сложив руки на коленях. Ник появляется через пару минут.

Сияющий и довольный.

— Настя, нашли Альку! Представляешь, нашли! Жива...

Прикасаюсь к вискам, не веря, что всё закончилось. С плеч словно огромный мешок падает — такое облегчение чувствую.

Во рту горький привкус от стресса, и почему-то кружится голова. От радости, наверное. Хочу встать с дивана и броситься ему навстречу. Но не могу...

15.

– Ты совсем не ешь...

Моя ложка скользит по подтаявшему мороженому, оставляя жирные сливочные дорожки. Орешки тонут в сладкой каше.

Мы договорились встретиться с Алькой в ресторане – только поэтому я ещё здесь и не убежала. Я ещё не видела дочь после происшествия, только созванивалась по телефону. И если бы не это ожидание, предпочла бы остаться дома или поехала на работу – там дел невпроворот.

Но Ник настоял на встрече именно в ресторане – и отметить спасение дочери, и благородно не нагружать меня готовкой.

– Родная, ну что ты? – Ник притягивает меня к себе, губы касаются виска – тёплые, чуть влажные. – Твоё любимое заказал. С фундуком.

– Спасибо. – Вымучиваю улыбку, даже не поднимая глаз. Вафля под десертом уже размокла, и меня подташнивает, когда на неё смотрю. – Не хочется. Я... хотела поговорить. Наталья Владимировна опять звонила, там счета...

– Сколько раз ей говорить, пусть напрямую меня спрашивает! – Ник сердито отворачивается и терзает бифштекс. Сок из мяса растекается по тарелке розовой лужицей.

– Наверное, опять не могла с тобой связаться. – Откладываю ложечку на блюде и поворачиваюсь к мужу. – Ник, ну зачем каждый раз тебя дергать? Это же мой клининг, ты сам говоришь. Пусть и финансовая сторона...

– Насть, – голос у Ника мягкий, но нож противно скрипит по тарелке. – Ну где ты и где финансы? Ты не умеешь обращаться с деньгами. Спустишь всё, в аферу какую-нибудь влезешь. О тебе же забочусь!

Выпрямляю спину и решительно отодвигаю вазочку с мороженым.

– Мне кажется, это глупо ставить меня руководителем, но не давать реальных возможностей для управления... – начинаю решительно, но Ник меня обрывает.

– А мне кажется, что здесь не время и не место. Давай не будем портить настроение друг другу.

– Мам, давай пиццу закажем. Настроение поднимает! – Я с трудом понимаю, что говорит Ромка, у него рот набит. – Финансы – это скучно.

Вяло киваю сыну.

– Ты прав. Что-то я уставшая, и настроение ни к чёрту. Зря ты не разрешил мне вчера к Альке поехать. Я бы успокоилась.

Последнюю фразу адресую активно жующему мужу.

– Да зачем тебя зря гонять. Всё в порядке с ней. Алька же сказала тебе: телефоны сели, заблудились. Их врачи осмотрели... Комары покусали, замёрзли, но в порядке оба. – Отложив вилку, слегка хлопывает меня по ладони. – Мне тебя нужно беречь.

Конечно, приятно, что эти сутки после выписки он носитя со мной, как с фарфоровой вазой. Но не настолько же я слаба и убога?

– Я бы сама её осмотрела.

– Вот сейчас и посмотришь, – кладёт мне руку на плечо и кивает в сторону входа. – Кстати, вот и она.

Подняв глаза, вижу, как хостес беседует с вошедшей парой.

Алька! Живая, вполне бодрая. Улыбаюсь, глядя на дочь. Она в ярком цветастом сарафане. Если бы напялила такой в свой поход, её бы нашли уже через полчаса. Волосы растрёпаны, и свежевыкрашенная малиновая прядь у лица. Ей идёт.

За её плечом маячит высокий, красивый брюнет, который, несмотря на жару, вырядился в строгий серый костюм.

Надо же! Никогда не думала, что ей нравятся такие. Строгие... Неужели это она с ним вместе заблудилась? Меньше всего он похож на бывалого походника. Хотя кто его знает – снимает по выходным свой деловой кашемирчик и идёт собирать удочки.

Хостес, гордо цокая каблучками, идёт к нам, но Алька, обгоняя её, бросается ко мне, расталкивая официантов.

– Не вставай, мамочка! – Подбежав к стулу, сзади обнимает меня и раскачивает. – Прости, ты переживала, я знаю. Но как же я рада тебя видеть!

Радостно кричит на весь зал, а голос у неё – ого-го.

– Алина, мама сейчас рискует умереть от удушья, – Ник промакивает салфеткой уголок рта и добавляет: – Давай поменьше эмоций на людях.

Алька сникает и отходит от моего стула, становится рядом. Берёт стоящего рядом парня за руку и, глядя мне в глаза, с тайной гордостью сообщает:

– Мам, это Макс. – Слегка покачивает сцепленными ладонями. Видно, что волнуется.

– Очень приятно, – внимательным взглядом скольжу от начищенных ботинок до тщательно уложенных волос. Вблизи он ещё лучше, симпатичный.

В костюме вырядился, чтобы со мной познакомиться, что ли? Эта мысль приятно греет и веселит.

– Привет, Максим, – Ник, привстав, протягивает руку, вынуждая парочку разомкнуть руки.

– Оу, вы знакомы? – С удивлением перевожу взгляд с одного мужчины на другого, пока Алька гремит стульями, готовя себе и спутнику места.

– Да, мы с Никитой Романовичем работаем вместе, – парень опускает глаза.

– Удобно, да? – Ник снова хватается за нож. – Будущий зять у меня под присмотром.

Алька вспыхивает и, чтобы скрыть смущение, хлопывает ладонью по стулу.

– Рано ещё говорить об этом. Садись, Макс.

Почему-то новость о том, что мой муж знаком с парнем моей дочери, оставляет внутри неприятный холодок. Будто через меня познакомились. Не удивлюсь, если специально их свёл. Но тут же гоню эту мысль прочь.

Глупости какие. Не будет Ник на поиск ухажёров для Альки тратить время и силы. Да и зачем ему это?

Телефон Ника, лежащий перед тарелкой, вспыхивает. Я непроизвольно обращаю внимание на это, особенно из-за обилия ярко-красных сердечек.

Торопливо отворачиваюсь, но боковым зрением успеваю увидеть всплывающее сообщение.

Что-то вроде: «жду внизу».

16.

Олег

Инна с громким цоканьем взбивает тушь в тюбике, будто заколачивает гвозди. Выпячивает челюсть и проводит кисточкой по ресницам.

Когда-то я бы шутил, что теперь у неё ресницы, как в рекламе про «лапки паука», и целовал в нос. Теперь передо мной стоит чужая женщина, которая любое моё слово воспринимает в штыки.

— Инна...

Она не оборачивается, только приподнимает бровь в отражении.

— Если у тебя кто-то есть — скажи. Ты почти свободна.

— Моя личная жизнь, — она вытягивает гласные, будто жуёт жвачку, — тебя, Ярославцев, не касается.

Открыв рот, старательно подкрашивает второй глаз, не обращая на меня ни малейшего внимания.

В воздухе висит запах её цветочных духов. Раньше он сводил меня с ума. Возможно, потому что она не поливалась ими так активно. Теперь в квартире всегда пахнет, как в дешёвом борделе.

— Если появился, то что? — бросает на меня через зеркало неприязненный взгляд и отставляет тушь в сторону. — Или ты ревнуешь?

Проводит помадой по губам, каждый мазок оставляет кровавый след, как порез от скальпеля. И не скажешь ведь ей, что это выглядит вульгарно.

— Не в этом дело, ты сама знаешь...

— О, ещё как ревнуешь, — смеётся и на пару секунд замолкает, чтобы сомкнуть губы для равномерного распределения красного ужаса. — Это мило. Великий, гениальный Ярославцев ревнует. Человек со стальным сердцем и железными нервами. Ах да... и золотыми руками.

Поворачивается ко мне и, забросив руку за спинку стула, цедит с ехидным прищуром:

— У меня прямо не муж, а таблица Менделеева! Слава богу, почти бывший!

— Инна, — голос ломается, — я не хочу, чтобы моего сына воспитывал чужой мужик.

— Ага, — она встаёт и идёт в прихожую. — Только раньше надо было думать. Ты его воспитывать будешь? Между операциями? Или он у тебя в ординаторской жить будет?

— Не знаю. Я придумаю что-нибудь. Няню найму.

— Ты чокнулся, Ярославцев? — снимает с крючка сумочку. — Ты собрался жить на съёмной квартире с няней и ребёнком? Потому что здесь, простите, но живу я!

— Считай, я даю тебе возможность строить свою личную жизнь. Почему нет?

Она отбрасывает сумочку в сторону и фурией подлетает ко мне.

— А ты не думал о том, что я люблю своего сына? — тычет пальцем мне в грудь. — Да, что бы ты про меня ни думал, но Ярик — единственное, что у меня есть! И я его тебе не собираюсь отдавать. Мы уже это решили.

— Если у тебя отношения...

— А вот это не твоё дело! — выдыхает с яростью. — Но сына я тебе не отдам! А ты, — небрежно помахивает рукой, — как можно скорее освободи помещение.

— Инна, скажи, кто он?

Мой вопрос достаётся спине, обтянутой красным платьем. Дверь хлопает.

Я остаюсь в тишине, где пахнет её духами. Кажется, после её ухода должно стать легче, но ни-фи-га.

Откладывать больше некуда. Я должен рассказать всё сыну и как-то решить проблему с нашим разводом. Дело не в том, что я не могу снять квартиру. Я не хочу видеть сына только два дня в неделю.

И я знаю, что у Инны кто-то есть. Я уверен в этом на все сто. Мне кажется, всё и испортилось, когда она влюбилась. Хрен знает, что там за мужик.

Мне будто наждачкой по внутренностям водят, когда понимаю, что не зря она так активно меня выгоняет. На следующий же день к нам придёт дядя Федя или дядя Коля. А может даже Рамзан или Ахмет.

Потоптавшись перед комнатой сына, надеваю на лицо радостную улыбку.

— Где это мой космонавт? Сидит уже час, не видно его и не слышно! — влетаю в комнату.

Ярик в обнимку с плюшевой капибарой смотрит мультик, где милый синий щенок обнюхивает розового динозаврика.

— Мама ушла? — спрашивает тихо.

— Ага, а это значит... — выдерживаю театральную паузу. — Это значит, что весь день принадлежит нам!

— Отойди, Симбе ничего не видно.

Чувствуя себя конченным идиотом, сажусь рядом с Яриком и беру в руки мохнатую капибару.

На экране под дурацкую песенку синий щенок неожиданно превращается в какое-то чудо техники с боевыми ракетами.

— Симба с моих коленей посмотрит. Хорошо?

— Тс... — Ярик недовольно цыкает.

Мужественно дожидаюсь, когда к синему щенку присоединятся жёлтый и красный, и мелодия заканчивается.

— Кажется, трансформация завершилась? — Симбой пытаюсь игриво укусить его за живот. — Пойдём погуляем? А?

— Вы с мамой разводитесь?

Капибара падает на пол, а я медленно моргаю.

— Откуда ты это... кто тебе сказал? — медленно выдыхаю.

Ярик неторопливо подбирает Симбу и, глядя в экран, тербит ей уши.

— Бабушка сказала.

С ума сойти! Я даже не подумал про тёщу. Он ведь столько времени с ней проводит, неудивительно.

— А ты... ты знаешь, что это значит?

— Это значит, что я тебя и раньше не видел, а теперь вообще пропадёшь.

Я сейчас в сюрреалистичном мире, где глупый взрослый вселился в тело ребёнка. Это не Ярика интонации, не его мысли.

— Я прав, да? — поднимает на меня совсем недетский взгляд. В его глазах столько презрения, что у меня по позвоночнику бежит озноб.

А ещё от презрительно вскинутой брови. В этой мимике я узнаю достопочтимую Ирину Владимировну.

А чего я ожидал? Вот он результат моей трусости, сейчас сидит передо мной. Я так долго откладывал разговор, что нашлись добрые люди и просветили ребёнка и без моего вмешательства.

— Я не нужен ни маме, ни тебе. У вас нет на меня времени, — надменно сообщает мне пятилетка.

Всё. Я в полном ступоре, мне тяжело сделать вдох.

Стискиваю зубы до боли в челюсти. Вот ведь старая ведьма! Помогла, спасибо ей!

Три щенка-мутанта радостно летают вокруг динозаврика, и Ярик смеётся, мигом превратившись из маленькой копии моей тёщи в обычного детсадовца.

Воодушевлённый этой переменой, беру себя в руки. Продолжаю, как ни в чём ни бывало:

— Ну так что скажешь насчёт кафе? Пойдём, мороженого поедим? «Симба очень любит мороженое!» — последнюю фразу говорю чужим глубоким голосом.

По моему представлению, именно так и разговаривают капибары.

Я и так в дерьме по самые уши. Если ещё Ирина Владимировна начнёт вмешиваться, то просто... слов нет!

— Ну так что? — размахиваю волосатой Симбой и стараюсь радостно улыбаться. — Пошли гулять, говорю!

«Кусаю» капибарой Ярика за живот, и он заливается смехом. Внутри меня медленно тает кусочек льда.

Нет, пусть Инна делает что хочет, но другого отца у моего сына не будет! Точка!

17.

Олег

Ярик останавливается и тщательно вылизывает пальцы. Грязная Симба выглядывает у него из-за пояса, морда у нее в розовых липких катышках.

— О нет, Яр... — присаживаюсь на корточки перед ним и шарю по карманам в поисках платка. — Они же грязные.

— Они в сладкой вате, а она вкусная.

— Да, очень. И ещё липкая...

Не найдя платка, плюю на палец, чтобы оттереть розовые подтёки у него на лице. Тут же самому становится стыдно. Тоже мне, поборник чистоты...

Схватив сына за липкую ладонь, осматриваюсь в поисках кафе, ресторана. Хотя где-то можно руки вымыть?

Заприметив ярко-синюю вывеску, тащу Ярика туда. Он упирается, потому что еще не облизал палку, на которую это липкое безобразие было нанизано.

— Яр, брось ты уже её, хватит. — Не сдержавшись, вырываю у него грязную палку и раздражённо несу её к ближайшей урне.

У сына за эти несколько секунд успевают набухнуть веки. Сейчас расплатится. Чёрт!

— Там ещё вата оставалась, — шмыгает и пытается грязной ладонью вытереть нос. Успеваю перехватить его за руку.

— Ничего, мы с тобой сейчас мороженого поедим. Ты Симбе обещал мороженое, а не вату.

Тяну его вперёд. — Вон, смотри, ресторанчик какой-то. Там самое вкусное мороженое в этом городе.

— А ты откуда знаешь? — недоверчиво идёт вперёд.

— Дядя Вова говорил. У него трое детей, он всё знает про мороженое...

Авторитет дяди Вовы, его крёстного, действует на Ярика магически. Он охотно ускоряется, а я уже предвкушаю, как отмою его мордашку и руки в приличном санузле. А потом можно и мороженое, и пирожное, что угодно.

— Симпатично, — осматриваю милый двухэтажный ресторанчик. Внизу — летняя терраса, утопающая в цветах, качели, небольшой фонтанчик. Наверху — небольшой закрытый зал.

— Мороженое есть у вас? — спрашивает Ярик у хостес, стоящей у входа.

— Конечно, есть. — Хостес дружелюбно улыбается чумазому бандиту, но инстинктивно делает шаг назад, чтобы он не измазал ей форму. — Тебе какое? Есть клубничное, фисташковое, банановое...

— Ананасовое! — с видом эксперта заключает Ярик. — Такое есть?

— Сделаем! — с таким же гордым пафосом заключает хостес. — Кстати, прежде чем проводить вас за столик, позвольте показать уборную...

Мило улыбаюсь девушке. Вот что значит профессионал.

— Вот видишь, как всё хорошо складывается, — спустя пару минут бормочу, разглядывая меню. — И ваты поел, и мороженое сейчас будет.

Симба сидит в центре стола и смотрит на меня пуговичными блестящими глазами. Отвлёкшись от меню, разворачиваю её в сторону. Мне не нравится её мёртвый взгляд.

Боковым зрением вижу, как по лестнице с верхнего зала быстро спускается женщина в голубом платье.

Бежит быстро, почти не касаясь руками перил. Мне плохо видно из-за разлапистого фикуса.

Но похожа на Богданову. Она что ли?

Моргаю — и её уже нет.

Трясу головой. Мне уже везде Анастасия Богданова мерещится. Совесть никак не успокоится. И ведь не позвонишь ей, не спросишь, как самочувствие.

Запаникует, испугается, и клиническая картина смажется — сама себе надумает. Вообще, она не ипохондрик, но я уже перестраховываюсь. Отсутствие плохих новостей в моей ситуации — это хорошие новости.

У неё есть мой телефон. Если бы почувствовала себя плохо, наверное, сказала бы. Или нет?

Внутренняя сирена тревоги не утихает. Чёрт его знает, что такое. Может, и правда Богданова? Выйти за ней, посмотреть? Может, бледная или отёки. Я-то сразу пойму...

— Пап, я хочу молочный коктейль и для Симбы банановые нагетсы. — Ярик ёрзает на стуле.

— Угу, — молчу, погрузившись в свои мысли.

Телефон вибрирует долгим вызовом, и я шарю по карманам, пытаюсь его найти. Только смотрю на экран — и холодный пот прошибает.

— Олег Игоревич. — Голос главной медсестры Анны Владимировны сухой и суровый. — Простите, что в ваш выходной, но больше не к кому обратиться.

— Всегда рад вас слышать, Анна Владимировна. - Вру, совсем не рад. - Что стряслось?

— Помните партию кардиостимуляторов? Нам главврач ещё сказал её на учет не ставить, как знал. В общем, производитель отзывает. Хорошо, что никому не успели поставить.

— Та-а-ак... - Тяну с видимым равнодушием, пока внутри всё медленно покрывается изморозью.

— По накладным у меня не сходится. Нет одного.

— Это вряд ли, Анна Владимировна. Наверное, когда принимали, их сразу девять было.

— А откуда вы в курсе количества? — в голосе главной медсестры прорезываются хитрые нотки Мисс Марпл.

— В курсе, конечно. Мне главврач об этом говорил...

Теперь вру, но не совсем! Разговор с главврачом у нас был, он предупреждал, что партия может быть бракована — какой-то контакт там окисляется.

Чёрт знает, откуда Вовка это мог знать, у него свои связи. Но заклинал меня ни одного не брать, потому что, скорее всего, будет отзыв всей партии. И возможно, чё-то здоровье от этого серьёзно пострадает, а клиника потонет в судебных тяжбах.

— Я поищу ещё, — Анна Владимировна смягчается. — Но я не только по этому поводу. Вы мне документы на приборчик Богдановой так и не донесли.

— Я помню. Ещё раз свяжусь с её родственниками. Там всё нормально, импортный, итальянский. Муж купил.

Ага, купил он, как же!

— Спасибо, Олег Игоревич. Жду вас с документами.

— Блядь!

Отбросив трубку, растираю лоб пальцами. Всё-таки не проканалю!

Но чёрт возьми! У меня не было другого выхода! Не было других кардиостимуляторов! Она бы умерла, пока искали другой.

Это когда время позволяет — можно искать, ждать, созваниваться, покупать. А когда у тебя человек на столе умирает, то готов уже и механизм от швейцарских часов ему вшить.

Лишь бы жил, лишь бы работало всё!

Окисляется там что-то... Сука!

В сердцах бью по столу, и сын вздрагивает.

— Пап, ругаться нельзя, это плохо... — Ярик смотрит на меня испуганно из-под чёлки.

— Да, это плохо.

Встаю и с грохотом задвигаю стул.

— Ты посиди здесь с Симбой пару минут. Я сейчас...

Размашисто шагаю к выходу. Вдруг это и правда Богданова?

И сейчас понимаю — нужно увидеть не для того, чтобы оценить степень отёков.

Я быстро, только посмотреть, она это была или нет.

Просто хочу видеть её! Живой, улыбающейся и, желательно, счастливой.

18.

Настя

Ник, как ни в чём ни бывало, поднимает телефон и внимательно вглядывается в сообщение. Хмурится и кладёт мобильник с другой стороны.

Телефон снова оживает. Подпрыгивает на столе.

— Что-то случилось? — Тянусь за салфеткой и, встав, стараюсь заглянуть в экран.

— Ничего серьёзного. — Ник, не глядя, переворачивает телефон экраном вниз. — С охраны сообщение пришло...

— Тебя кто-то внизу ждёт? — Интересуюсь невинно.

— Ты какого хрена в мои дела лезешь? — Ник, как всегда, заводится быстро и резко. — Я перед тобой отчитываться должен?

Алька дёргается, искоса поглядывает на своего парня. Ей неловко. А Ромка даже не реагирует. Он привык.

— Нет, я так просто спросила, — отвечаю ровно и спокойно. Не хочу скандалить на глазах у детей и позорить свою дочь. Улыбаюсь и обращаюсь к Алине: — Вы лучше расскажите, как вы там выживали?

— Ой, мам... — Алина подхватывается, глаза блестят. — Если бы не Максим, меня бы медведь задрал...

— Это невозможно! — Ник обрывает дочь, повышая голос до опасных децибел. — Я даже поесть спокойно не могу. То требуешь денег, то проверяешь мой телефон.

— Я не...

— Если ты хочешь, чтобы я за каждый свой шаг отчитывался, то имей в виду: мне просто сообщили с охраны, что доставили важные документы.

— Всё хорошо, я верю, — опускаю глаза, стараясь не смотреть на дочь.

— Это невозможно! — Ник срывает салфетку с коленей и, скомкав, бросает на стол. Встаёт, проехавшись ножками стула по полу. — Простите, — легко кивает в сторону Максима, — прогуляюсь. Мне нужно успокоиться!

Он уходит, а за столом воцаряется гнетущая тишина. Между нами повисает плотная неловкость. Только Ромка жуёт, как ни в чём не бывало.

— Прости, Максим, — растянув губы в улыбке, смотрю на дочь. — Ну так что там с медведями?

Алька косится на Максима и начинает рассказывать. Сначала неохотно, потом постепенно воодушевляется.

Но её приключения, которые так меня волновали, теперь становятся неважными. Настроение испорчено, а в груди тяжесть. И почему-то чувствую себя виноватой. Вот кто меня тянул за язык?

Может, и правда, ничего особенного, а я прицепилась. А если нет?

Внутри свербит от дурного предчувствия. Кто там Ника ждёт внизу? И где? Может быть, здесь?

— ...Алина, ты преувеличиваешь, — Максим хлопает мою дочь по ладони, а она светится от счастья.

— Простите, я отлучусь ненадолго. — В извинительном жесте прикладываю руку к груди и смущённо морщусь нос. — На пару минут вас покину. Не надо было пить столько чая.

Ничего, пусть дети думают, что мамочка в уборную с такой скоростью понеслась. Не хочу, чтобы они знали, что я собираюсь шпионить за их отцом.

Мне стыдно и неловко за саму себя, когда я спускаюсь по лестнице к выходу из рестораника.

Я только одним глазком посмотрю, там Ник или нет. Скорее всего, он, и правда, нервно курит, чтобы не срываться больше на доставучую жену.

— Приходите к нам ещё, — хостес бодро отрабатывает заученную фразу.

— Я ненадолго, только воздухом подышать, — сообщаю ей, будто извиняюсь.

— У нас очень приятный летний садик... — несётся мне вслед.

Летний садик на террасе и правда милый.

Только Ника здесь нет, конечно. Я бы его сразу увидела — места немного, но живописно. Увидев декоративный фонтанчик, сажусь на край и вглядываюсь в своё отражение. Выгляжу там голубым пятном, а лицо — бледным блином. Опускаю руку в прохладную воду, разбивая это безобразие.

Шум воды немного успокаивает. Настя, ты параноик. Как с тобой только муж живёт?

— Прости, я просто соскучилась... — доносится из крошечной беседки мелодичный женский голос.

Ой, кажется, я не одна здесь. Наверное, кто-то фотографируется или свидание организовал.

Стараюсь укрыться за струями воды — и так сегодня кучу народа засмущала.

— Ты меня специально перед женой подставляешь? Я после того, как ты фото отправила, еле выкрутился.

Холодок от каменного бортика фонтана растекается по всему телу и замораживает кончики пальцев.

Ошеломлённо хлопаю глазами, потому что в сердитом рыке узнаю голос Ника. Если бы я не сидела, у меня бы подкосились ноги.

— Я не выдержала... — скромным голосом выпускницы школы отвечает незнакомая женщина.

— Ты тупая дура, я сто раз тебе говорил, что из семьи я не уйду.

Не зря я сюда пришла, как чувствовала. Ведь сердце — лучший советчик. А моё сердце сейчас сходит с ума.

— Ник, не разменивай своё счастье...

Только девушка не успевает закончить фразу и испуганно взвизгивает. Непроизвольно дёргаюсь — слишком хорошо знаю, что может значить этот визг. Так и вижу, как он, схватив её за волосы, пригибает голову.

Ника я слышу плохо, скорее угадываю его слова. Но в его злом шёпоте звучат слишком знакомые нотки.

— Только попробуй исполни ещё что-то... Клянусь, ты пожалеешь.

— Отпусти, — жалобный писк. — Я больше никогда...

— Обещаешь?

— Да, милый, — томно отвечает она.

Сажу, глядя в одну точку, и слушаю влажные звуки поцелуев.

Как банально и как больно! Не за измену и не за предательство. Это я уже пережила. Больно из-за осознания того, что я — последняя дура!

Кровь стучит в висках, пока я пытаюсь думать, что делать дальше.

Нужно ехать домой и собрать свои вещи. Бежать от него скорее, не слушать оправданий! Встаю, но меня ведёт в сторону.

Господи, Ромка сидит там. Я не могу без него уйти. Будет выглядеть, будто я сбежала от сына...

Хватаюсь пальцами за какую-то увитую плющом арку. Она только кажется устойчивой и шатается под моим весом.

Делаю рваный вдох, пытаюсь удержать равновесие. И оседаю на пол, заваливая арку на себя.

Грохот...

Наверное, я на несколько секунд теряю сознание, потому что вдруг в белесом пятне тумана, которое качается перед глазами, возникает лицо Ника.

— Настя, — орёт и трясёт меня. Из-за его плеча выглядывает длинноволосая брюнетка. Кажется, та самая, что была в душе. Будь она голой, я бы по груди узнала...

Мне кажется, или она стервозно щурится?

Отворачиваюсь от него. Как он надоел мне со своими замашками... Противно!

— Уйди, — хриплю. — Не прикасайся ко мне. — Каблуками втыкаюсь в землю, пытаюсь отползти подальше.

— Настя, тебе нехорошо? Ты бледная. Ты упала?

Ах ты, заботливая скотина!

— Мне очень хорошо, — скажусь. — Я теперь могу подать на развод с чистой совестью.

— Ты с ума сошла, — хватается меня за лацканы голубого пиджака и приподнимает, заставляя сесть. — Что ты говоришь? Какой развод?

С трудом удерживаюсь, чтобы не плюнуть ему в лицо. В груди горячо от ненависти.

— У неё спроси, — киваю на его подружку.

И странное чувство — но мне легко. Будто сбросила сейчас с себя груз вины за развал семьи. Мне надоели эти метания, страхи и переживания. Это не я истеричка и дура!

Я бы сказала ему сейчас это всё, не постеснялась его любовницы. Но губы онемели. Наверное, от волнения.

— И не смей меня трогать! — рычу, пытаюсь встать на ноги. — И не подходи никогда! Ко мне, моим детям и моему клинингу...

Последнее слово явно было лишним. Ник багровеет от гнева. Резко выпустив мой лацкан, взмахивает рукой. Я не успеваю ничего понять, как голову резко отбрасывает вбок.

В висках гул, в горле ком, дыхание сбивается. Я хватаюсь за пылающую кожу, чувствуя, как она мгновенно наливается жаром.

Мне кажется, я вижу искры от боли. Это не метафора.

Схватившись за щёку, так и пятюсь задом, пока не упрусь спиной в фонтан. Сил встать у меня нет.

Как в дурном сне доносится довольное хихиканье его девки. Смейся, милая, тебе тоже прилетит!

— Давай ещё раз, чтобы наверняка! — сверкаю глазами и добавляю презрительно: — Ни один суд не оставит ребёнка с таким психом.

— Ты ничего не получишь!

И второй удар падает быстрее, чем я успеваю увернуться. Голову швыряет в сторону, и на виске будто вспыхивает белый огонь — я ударяюсь о каменный завиток фонтана. Перед глазами всё плывёт, мир качается.

В ушах стоит звон, и в этот звон вплетается жалобный визг его девицы:

— Ник, хватит!

Но он уже вошёл в раж и не слушает. Грудь тяжело вздымается, ноздри раздуваются, как у разъярённого быка.

Втягиваю голову в плечи.

— Ты охренел вконец!

Ника отбрасывает от меня, он летит, нелепо размахивая руками. Затем резкий звук удара — глухой, мокрый, мясистый. Воздух наполняется запахом железа. Меня подташнивает.

Я вижу всё будто со стороны. Кажется, вот-вот хлопнет хлопушка, и режиссёр скажет: «Стоп. Снято». Ощущение нереальности меня не отпускает.

Я даже не удивляюсь, когда надо мной склоняется Ярославцев.
— Господи, Богданова! — трогает мои щёки и лоб. — Ты как?
Пытаюсь сказать ему что-то, но губы не слушаются.
Он хватается меня за руку, щупает пульс. И, кажется, орёт на девушку:
— Чего стоишь, скорую вызывай!

19.

Олег

— Пап, ты долго руки мыл. Мы с Симбой соскучились.

Я опускаюсь на стул и упираюсь взглядом в равнодушные пластиковые глаза капибары. Мы с ней гипнотизируем друг друга.

Молча вытираю испарину на лбу.

Сердце всё ещё колотится, будто застрял где-то в ребрах маленький молоток и никак не может остановиться. Одно дело, когда спасаешь человека в операционной, а другое – вот так...

На земле. Когда у тебя есть только собственные знания и руки. Еще и дурында официантка в панике бинты притащила и зеленку.

Синяки, которые ей этот урод поставил, мазать что ли?

— Ага, очень долго... — на автомате подтверждаю.

Хочется вдохнуть глубже, но грудь сжимает. Будто дышу не воздухом, а горьким киселём.

Ещё придурочный гад мешал, пытался оттащить меня за воротник и угрожал расправой. К счастью, скорая быстро приехала...

Пытаюсь выдохнуть. Неужели всё закончилось? Нет, всё только начинается.

Где-то там, в скорой, Настю Богданову качает по кочкам, и я должен молиться, чтобы её довезли.

А рядом с ней едет он. Недобитый арбузер, которого я с трудом отодрал от бледной перепуганной женщины.

Что я мог сделать? Не пускать его в машину? Он муж! И при врачах он ничего сделать не посмеет.

А у меня времени не было скандалить и разбираться. Меня ребёнок ждал.

— Когда мороженное принесут?

Ярик болтает ногами и тянет на себя салфетку.

— Скоро... Самое вкусное мороженное то, которое нужно немного подождать.

Вымучиваю улыбку.

Скорая приехала быстро, и я мог уехать с ней и сейчас сам держал бы над ней капельницу.

Но я остался. Потому что меня ждал сын. А врачи не боги. И судьба нам часто напоминает об этом самым мерзким образом.

— Здравствуйте, спасибо вам, — тихий голос выдёргивает меня из мыслей.

За наш стол опускается девушка в цветастом сарафане и яркой прядью в темных волосах. Зарёванная, под глазами - круги от потёкшей туши

Ярик с удивлением поднимает на неё глаза, и хватает Симбу. Опасливо прижимает её к груди, боится, что незнакомка схватит его любимицу.

Кажется, видел эту девушку, заметная.

В больнице Настю навещала и потом, когда началась вся это круговерть, она тоже была. Плакала, умоляла и просила пустить её в машину.

Я не знаю, почему она не села туда. Уже рванул к сыну.

— Вы второй раз маме жизнь спасаете.

Как подсохшую корочку на свежей ране сковыривает этой фразой. И в груди снова саднит. Спаситель, бля... Чуть не угробил своим стимулятором, ещё и арбузера из машины не выкинул.

Какого Насте видеть перед собой сейчас его харю?

— Я видела, вы ей что-то делали там... На грудь давили... И с врачами скорой разговаривали. С ней всё хорошо будет?

— Да, наверное. — хриплю, уставившись в столешницу.

В горле сухо, как песок насыпан. Ярик изумленно переводит взгляд с меня на девушку, явно не понимает, о чём идёт речь.

— У нее лицо разбито было, она ударилась?

Не отвечаю. Потому что решение выстреливает в голове мгновенно.

— Простите. Как вас зовут?

— Алина... — смущается и прикусывает губу. — Алина Богданова.

— У кого лицо было разбито? — решает подать голос Ярик. — Напали на кого-то? Бандиты?

— Нет, сын, бандитов тут нет. Один, правда, есть, но он ждёт мороженое. — Встаю и хлопаю себя по карманам в поисках банковской карточки. Кладу её перед девушкой на стол. — Алина, в общем так... Оплати мороженное, и погуляй с этим замечательным молодым человеком в парке, хорошо?

Она осоловело моргает, не веря своим ушам.

— Я сейчас очень нужен в больнице. Твоей маме нужен. Договорились? — подхватываю со спинки стула пиджак.

— Вы же меня совсем не знаете, вдруг я...

— Я твою маму знаю. Думаю, что ты вся в неё, правда? — подмигиваю ей и поворачиваюсь в Ярику, который уже надул щуки. — Послушай бандит. Я должен одну женщину спасти очень хорошую. От тебя сейчас её жизнь зависит! Понял?

— Ну пап... — ноет, — ты же обещал.

— Вот Алина тебя покормит и на каруселях покатает. — Ерошу ему волосы на макушке. — С ней даже лучше будет. Видишь, какая она весёлая и красивая.

Исподлобья смотрит на девушку, и опешившая Алина натягивает на лицо улыбку.

Ярик хмурится.

— У неё глаза, как у панды. Некрасивая...

Алина ойкает и подхватывает салфетку, вытирает потёкшую тушь. Сообразительная.

— Слушай, Яр, я скоро. — Стараюсь говорить серьезно, как со взрослым. — Это очень важно, и я приеду, как только смогу. Соскучиться не успеешь.

— Но я не одна здесь... — бормочет Алина.

— Плевать сколько вас... На всех заказывай, главное — за парнем моим присмотри. Так, номер телефона своего оставь...

Самое страшное — неизвестность. И я не могу сидеть вот так на жопе ровно и просто ждать!

В моей голове уже выстроен план. Главное знать конечную точку, тогда в панику не впадешь И, как всегда в таких случаях бывает, я успокаиваюсь.

Моя конечная точка сейчас — Настя Богданова. Ярик переживёт, если посидит без меня пару часов, а вот Богданова — вряд ли.

Потому что только я знаю, что у неё там окисляется какой-то на хрен гребаный контакт. А её будут таблеточками лечить.

И не позвонишь ведь, не предупредишь! Потому что, если я предупрежу, то я сяду надолго! Потому что серьезно косячнул, как врач.

— Если какие-то проблемы, звони мне сразу, — бросаю визитку на стол и на ходу просовывая руки в рукава, несусь к выходу.

На выходе оборачиваюсь. Они смотрят на меня не мигая. Застыли, как олени в свете фар.

Прощаясь, улыбаюсь и поднимаю руку. Они дружно отмирают - Ярик прижимает капибару к груди, Алина прикладывает салфетку к другому глазу.

Ничего, всё обойдётся. Алина — девушка взрослая, умная. Что она с пацаном не справится?

Коготками царапает неприятная мысль, что Инна права. И с моим образом жизни оставлять мне ребенка — это убийственно. Я с ним даже мороженное спокойно поест не могу.

Машину мы оставили далеко. И добежав до парковки, чуть не падаю на водительское сиденье. Я уже мокрый, рубашку, хоть выжимай.

Вспотевшими пальцами сжимаю руль до побелевших костяшек. Всё нормально, я успею... Я сам ей займусь.

Машина взрывается рыком, и вибрация через сиденье пробивает позвоночник.

Газ. Колёса взвизгивают, машина вылетает со стоянки.

За окнами мельтешат лица прохожих, вывески, деревья. Всё рвано, как кадры старой плёнки.

Всё хорошо будет, Олег! Ты всё успеешь!

Сейчас займёшься Богдановой, потом вернёшься к сыну. Надо разобраться, что там у нее в груди.

Телефон оживает на сиденье.

— Чёрт! — рывком хватаю не глядя. Наверняка Ярик что-то учудил.

— Олег... — в трубке хриплое и прерывающееся. Не сразу узнаю Вовчика, своего друга и шефа. — Олег... Ты прости меня...

От его голоса по телу прокатывается ледяная волна.

— Володя, что случилось? — ору, вдавливая трубку в ухо.

— Прости... — тихий голос, как шелест.

— Говори! — Рычу.

— Мы с Инной твоей...

— Что?

— Разбились мы... Авария, — тяжело дышит. — Ты всё равно бы узнал. — Пауза. — Лучше я скажу... Мы с ней...

Бля! Мир резко сужается до размеров телефонного динамика.

— Где вы?

— Скорую я вызвал... Инне сильно досталось...

Он закашливается. Я ошоловело пытаюсь удержать машину на полосе, а своё сознание в адекватности.

— Вовка, это плохая шутка.

— Олег, я не хотел...

С трудом разбираю его слова. Они проходят сквозь меня, как сквозняк через пустой коридор.

Дорога смазывается, как будто я лечу в тоннеле.

— Не клади трубку, где вы? Что с Инной?

— Прости... Прости меня за жену...

— Ты скажи в какую больницу повезут. Слышишь! — ору. — Скажи!

Короткие гудки в трубке, и одновременно громкий сигнал водительского клаксона.

Ошалев выкручиваю руль влево. Шины визжат, машину бросает, и я с трудом избегаю столкновения.

И так понятно, куда повезут Вовку. Если не сразу, то потом точно к нам. Он же главврач.

Где-то в параллельной реальности к моей больнице с разных сторон сейчас подъезжают две машины. И я сейчас в таком состоянии, что кажется мне тоже не мешает капельница.

Такого просто не может быть!

И, если сейчас не соберусь, то к чёрту полетит всё.

Не сейчас.

Резко вдавливаю педаль газа в пол и рву на красный.

20.

— Олег Игоревич, чего это вы? — ко мне бежит медсестра кардиологии. — Вы же не должны сегодня.

— Богданова где? — ору. — Её на скорой привезли.

— В реанимации, на приборчиках, — нервно дергает на груди халатик. — Дежурный смотрит сейчас.

— Документы по ней давай! Быстро!

Требовательно трясую рукой, но тут же поступает звонок, и я хватаю трубку.

Сквозь шум, писк приборов и грохот каталок прорывается женский голос.

— Олег Игоревич, это приемник. У нас ДТП, по документам ваша жена.

Голос у девушки такой, что у меня на лбу выступает холодный пот.

На фоне слышен чей-то рык:

— Давление 60... Не держится!

Почему-то вспоминаю маленького мальчика, который сейчас сидит в ресторане и ест мороженное.

Вытираю лицо рукавом.

— Я на месте, сейчас буду.

— В реанимацию её везут.

Снова на фоне.

— Подключайте дыхательный!

И грохот колёс каталки.

Медсестра смотрит на меня испуганно, не шевелится. Наверное, сейчас я страшен.

— Документы по Богдановой мне подготовьте, я сказал. — рявкаю на неё. — Скоро вернусь.

Как есть, без халата, в уличной одежде бегу по коридору. Он тянется бесконечной лентой. Встречн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.